

A movie poster for 'Свободные звезды' (Free Stars). The central figure is a woman with voluminous, curly brown hair, looking down. She has a highly detailed, metallic, and mechanical prosthetic right arm. In the background, there is a roaring dinosaur head on the left and a close-up of a cat's face on the right. The scene is filled with sparks and glowing particles. At the bottom, a handgun and a small, open, rusted metal box are visible.

Оксана
Гринберга

СВОБОДНЫЕ
ЗВЕЗДЫ

16+

Оксана Гринберга

Свободные Звезды 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36286696

SelfPub; 2018

Аннотация

Ей всегда казалось, что отец хотел мальчика. Учил за себя постоять, словно готовил ее... К чему? На этот вопрос Маша так и не узнала ответ. Зато он хорошо ее подготовил. Она умеет выживать. Из снежной сибирской зимы в бесконечный холод межзвездного пространства; с университетской скамьи – на залитые кровью горячие пески Арены; из тюрьмы воинственной расы рагханов – за штурвал космического корабля... Перед дочерью бывшего военного становится выбор – либо покорить звезды, либо покориться самой. Разве она из тех, кто сдается?

В оформлении обложки использованы иллюстрации Александра Соловьева.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	59
Глава 6	76
Глава 7	89
Глава 8	109
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1

Тяжелее всего давался четвертый километр. Почему – не знаю, у меня всегда так. По противности с ним равнялся еще и седьмой, на котором хотелось остановиться и отдышаться, да и мышцы давно уже ныли от перегрузки.

До седьмого еще бежать и бежать! Эта мысль вводила в уныние, хоть я и привычная к марш-броскам, как папа их называл. Да и холод – кажется, под минус двадцать – меня не пугал. Кого в Сибири удивишь морозами в начале января? Зато снег поскрипывал под подошвами тяжелых «армейских» ботинок. Одинокие снежинки срывались с неба, таяли в белых клубах дыхания, едва различимого в свете луны. С двух сторон на дорогу наступал лес, набегал разлапистыми заснеженными ветками.

Холодно, пустынно, одиноко. Мне не привыкать.

Издали донесся собачий вой. К нему присоединился еще и еще один. Нет, не волки. Дворовые псы, скорее всего, из ближайшей Алфеевки, затаили жалобную песню, сетуя на судьбу проглядывающей сквозь черные облака луне.

Привычным движением сдернула со спины рюкзачок. Вытащила телефон, не сбиваясь с шага, контролируя дыхание. Экран навигатора вспыхнул, подтвердив мои догадки. Так и есть, Алфеевка справа, метрах в трехстах начинались первые дома. Через полкилометра поворот. От него до заправки –

пять километров, а оттуда – еще два до черты города. С автовокзала идут рейсовые автобусы, доберусь до райцентра. Оттуда и до Малаховки недалеко, а там уже до дома. Могу своим ходом или дяде Сергею позвоню, чтобы забрал.

Засунула телефон в рюкзак. С сожалением подумала, что не стоило ездить на эту вечеринку. Собирались одноклассники, которых я полтора года не видела. Не сказать, чтобы скучала, но... В общем, поехала.

Говорят, как Новый Год встретишь, так его и проведешь. Встретила я так себе, далеко от дома, в компании малознакомых людей. Одноклассников-то приехало – раз, два и обчелся. Закончился праздник ночной дорогой, собственным ритмичным дыханием, шорохом рукавов куртки и скрипом снега под подошвами ботинок. Неужели весь год по лесам бегать?

Хотя могу и бегать, привычная! Да и ночной лес меня не пугал. Дед частенько повторял, что самый страшный зверь – это человек. Пока что из людей вокруг – только я...

Тут услышала звук мотора. Натужно зарычал двигатель, заглушая горестную собачью песню. Машина приближалась, судя по всему, свернув на дорогу, по которой я бежала, из Зверево. Гм, надо же, как совпало! Усмехнувшись про себя, понадеялась, что водителем окажется добрейшей души человек и подвезет до райцентра. Сдернула с лица маску с прорезями, которую надевала, когда бегала в мороз. Отец долго и упорно вбивал в голову, что всегда надо продумывать

пути отхода. Поэтому на дурацкой вечеринке с собой оказалась подходящая для бега одежда, да карту перед поездкой изучила.

Поморщилась, вспоминая начало нового, две тысячи четырнадцатого, года. Мужская половина компании к двум часам ночи заметно перебрала. Разговоры пошли неадекватные, да и руки некоторые стали распускать. Я, попрощавшись, ушла спать, решив, что не стоит ломать эти самые руки. Дом, куда нас пригласили, был большим, и нам с Ленкой, моей школьной подругой, выделили одну из комнат на втором этаже. Мне показалось, что мое отсутствие никто не заметит.

Показалось. Когда почти задремала, после того как долго прислушивалась к звукам музыки и взрывам смеха, притопал Ромка Морозов – тот еще идиот, со школы ко мне равнодушный. Закрыл за собой дверь и, покачиваясь, пошел к кровати, при этом стаскивая с себя штаны. Наверное, думал, что мы сольемся в оргазме. В Новогоднюю Ночь происходят чудеса, и, быть может, я сменю гнев на милость.

Не сменила. Да и противно стало до ужаса. Пока он искал меня в пустой кровати, рассказывая о своих эротических фантазиях и о том, как в меня с четвертого класса влюблен, выскользнула из комнаты. Натянула лыжные штаны, запихнула единственное выходное платье в рюкзак. Затем – спортивная куртка, ботинки, шапка, варежки. Написала СМС-ку Ленке, чтобы не волновалась. Отвлекать подругу не стала –

судя по звукам из гостиной, всем давно не до Машки Гро-
мовой – меня то есть, – у которой явные проблемы с проти-
воположным полом.

Не могу я так! Чтобы сразу – и в постель. А даже и не сра-
зу... тоже не могу. Мне этого не надо! Мне вообще никого
и ничего не надо.

Папа всегда говорил, что любовь – это боль. Я ему вери-
ла. Он был единственный, кто меня любил. Кроме бабушки
с дедушкой. Правда, папа всегда хотел мальчика. Мама, на-
верное, тоже. Настолько разочаровалась, когда я родилась,
что бросила нас, пропав навсегда. Все эти годы – мне скоро
девятнадцать – не давала о себе знать. Воспитали меня отец,
дед и бабушка. Жили мы в лесу, километрах в восьми от Ма-
лаховки. Дед – лесник, отец получал военную пенсию, вер-
нувшись домой после ранения. Бабушка досрочно вышла на
пенсию, уволилась из школы, потому что у них случилась я.
Я случилась совсем малышкой, от силы несколько месяцев,
не больше. Где моя мама – никто не говорил. Подозреваю,
потому что не знали.

Так и жили. У нас был хороший дом, большой, с баней.
Как раз около реки, на другую сторону которой вел шаткий
мостик. Мы купались с отцом, как только сходил лед, а ба-
бушка говорила, что мы – странные. Мы были не странными,
а закаленными. Папа с дедом поставили еще несколько сара-
ев, в которых хранили дрова, технику и снегоходы. Еще у нас
жили собаки – кавказцы – добрейшие и ласковые создания.

Бабушка разводила огород и, кажется, совсем не скучала по работе и городу. До пенсии она была учительницей младших классов и занималась со мной по школьной программе. Бабушка меня очень хвалила, говорила, что не в отца умом пошла. С папой же постоянно ругалась, когда думала, что я не слышу.

– Артем, мы не можем больше тянуть! Ее надо отправить в школу. Посмотри на Машу – это Маугли, а не ребенок! Она и детей-то живых не видела...

Я пряталась на чердаке, свисая оттуда летучей мышью, чтобы удобнее было подслушивать. Хотела возразить, что детей я видела. Целых два раза. Меня в райцентр возили, когда обувь новую покупали. Ничего такие дети, смешные. Только странные немного – бегают и кричат не по делу. Отец обычно отмалчивался либо бурчал, что сами меня вырастят. Но бабушка заводилась сильнее и сильнее:

– Причем Маугли с винтовкой в руках! Она ведь девочка, а вы кого растите? Спецназ, подразделение «Альфа»?! Артем, опомнись! Ей в куклы надо играть, а не в войну. И рысь эта... И ты, Аркадий, – деда так звали, – туда же, старый дурак! Еще бы тигра приташил!

Дед, посмеиваясь, возражал в усы, что тигры у нас не водятся. В Сибири живем, а не на Дальнем Востоке, а то бы приташил. Он был потомственный охотник, на медведя ходил до семидесяти лет. Научил меня стрелять из всех видов оружия, что в изобилии водилось дома. Я предпочитала

обычную гладкостволку. Нравилось ощущать, как вдавливают приклад в плечо, и чувствовать в руках приятную, уверенную тяжесть.

– Посмотрите на девочку, в ее возрасте ей надо иметь друзей! – заводилась бабушка.

– У нее есть все, что нужно, – отвечал отец. – У нее есть главное – семья.

Я была с ним согласна. У меня были папа, деда и бабушка. А еще друг – Дымок. Когда мне исполнилось девять, дед принес из леса маленького рысенка, оставшегося без матери. Я выходила его, выкормила молоком из бутылочки. Когда Дымок был маленький, спал в моей кровати. Затем, когда подрос, мы выпустили его в лес, но далеко рысенок не ушел. Бегал везде за мной, и мы даже охотились вместе. Бабушка смирилась с его существованием, когда однажды он положил у дверей ее комнаты зайца. Знал, чем подкупить ее неподкупное сердце.

– Все это ваши тренировки! – иногда ворчала она, смазывая лечебной мазью мои синяки и царапины. Правда, на мне заживало все быстро. Папа говорил, даже слишком, и если попаду к врачам, меня разрежут на опыты. – А эти твои страшные зеленые человечки... Артем, прости, но это глупости!

Я не знала, каких зеленых человечков боялся отец. Он не рассказывал, а они ни разу не появились. Перерыла книги – у нас была большая библиотека, в которой я пропадала по

вечерам после тренировок и хозяйственных дел, когда дед с бабушкой пили чай с вареньем и смотрели старенький телевизор, а отец курил на улице, уставившись в звездное небо.

Я любила книги, но, сколько ни искала про зеленых человечков, нашла только про лилипутов и еще про лунных жителей из «Незнайки на Луне». Все равно ждала врагов во всеоружии – с охотничьим ножом под подушкой и Дымком в ногах. Винтовку брать в кровать не разрешали, и меня это очень расстраивало.

Отец тоже всегда был начеку, да и дед не терял бдительности. Они тренировали меня на пару. Отец в юности был чемпионом области по рукопашному бою. Пошел в армию, воевал в «горячих» точках. Был ранен, вернулся в родные края. Сторонился людей, никогда не рассказывал о службе. Затем появилась я. Нет, наверное, сначала была мама. Мама пропала, а я осталась. Наверное, чтобы со мной ничего не случилось, он научил всему, что знал. Дед тоже внес свою лепту – стреляла я хорошо, отчего он кивал одобрительно, говорил, что в семью пошла.

Когда бабушка умерла – у нее оказалось слабое сердце, – меня все-таки отправили в школу. Сразу в четвертый класс. Отцу удалось подделать медицинскую карту, хотя врачей вживую я не видела, и договориться с администрацией школы, в которой бабушка когда-то преподавала. Я тут же доказала, что уровень домашнего образования на порядок выше того, что знали дети в моем классе. За что и получила. От

отца.

– Не высовывайся, Машка! – сказал он вечером после того, как рассказала о школьных успехах. – Они должны думать, что ты – такая же, как все.

– Но Ромка Морозов – идиот! Ты уверен, что мне надо быть такой же, как он?

– Маша, – вздохнул отец, – притворись нормальным ребенком. Не показывай, что умеешь или знаешь больше, чем другие. Не хвались, что сильнее. Наблюдай за врагом, изучи его, узнай слабые стороны.

– Они мне не верят, – пожаловалась отцу через несколько дней. – Ромка сказал, что я – отмороженная. И еще – странное слово – фрик. Не фриц, деда, не фриц...

На четвертый день мы с Ромкой подрались. Он постоянно издевался надо мной – от рождения у меня был смуглый цвет лица, словно все лето загорала под жарким солнцем. Странный загар не сходил даже зимой. Морозов сказал, что моя мама – китаянка. Я промолчала. Он был не прав – у китайцев узкие щелки карих глаз, а у меня – нормальные, синие, да и волосы светлые. Точнее, золотистые.

В общем, в отместку, что не поверила, попытался приложить портфелем по голове. Увернулась. Удар в ухо, и местный хулиган прилег у моих ног. Причем надолго. Если точнее – пролежал две недели дома с сотрясением мозга. Ох и досталось же мне! С директором и завучем беседовал отец, и скандал замяли. Дома папа сказал, что меня чуть не отчис-

лили. Затем мне попало от него по полной программе. Бежала полночи – два раза до Малаховки и обратно. Отжималась, пока не упала лицом в холодную сентябрьскую грязь, подвывая от собственного бессилия. И это было лишь начало...

После того происшествия я притворялась намного старательнее. Семь лет в школе, затем, по привычке, продолжила в университете. Настолько вжилась в роль серой мышки, что, кажется, и стала такой. Училась на «отлично», подруг близких не завела. От мальчиков шарахалась, хотя они не давали проходу. Длинные волосы и высокая спортивная фигура не выходили из моды, подозреваю, уже какое столетие. Как и всегда, как и сегодня. Ох уж этот Ромка Морозов!

Машина приближалась. Я прижалась к обочине, вытянула руку. Свет фар ослепил, но вскоре разобралась, что на заснеженной дороге навстречу резво катил старый молоковоз. Даже не видя цвета, знала: голубая кабина, желтая цистерна. В Малаховке был молокозавод, вот они и бежали недовымершими мамонтами.

Машина, скрипнув тормозами, заскользила по подмороженной дороге. Остановилась в трех метрах от меня, приглашающе моргнула фарами. Я не заставила себя ждать, поспешила в кабину. Долгий бег согрел, но как только остановилась, мороз полез под куртку, кусал сквозь лыжные штаны, морозил ноги, холодил щеки.

Дернув дверную ручку, оказалась в теплом царствии табачного дыма, плакатов полураздетых девиц в бикини, кото-

рые никак не вязались с сугробами за окном. Над всем этим властвовал усатый водитель лет пятидесяти. У приборной доски горела небольшая лампочка. Рядом – пластмассовая собачка так же, как и хозяин, недовольно качала головой. Водитель окинул меня взглядом, фыркнул неодобрительно, приказав закрыть дверь.

– Ну поехали, красавица! – произнес мужичок.

Я сразу и не поняла, к кому обращался: ко мне или к машине. Дернула старый ремень безопасности, разыскивая, где замок. Наконец, нашла среди кучи старых тряпок, кокетливо прикрывавших поржавевшую монтировку.

Тут молоковоз дернулся и заглох. Водитель выругался ничего себе так живописно, обвинив «искру», что она опять ушла к такой-то матери. Наконец, после нескольких попыток, когда стартер крутился вхолостую, беглянка смилиостивилась и вернулась. Машина, чихнув на сибирском морозе, завелась.

– Как зовут-то? – спросил у меня водитель.

– Ма-маша! – ответила ему. В тепле голосовые связки меня подвели.

– Мамаша? – удивился он.

– Да Маша я, Маша! Замерзла только...

– И куда же ты, Маша, собиралась в новогоднюю ночь?

– В Малаховку. Подкинете? – с надеждой спросила у него.

Он кивнул, и я возликовала. Как и думала, спешил на молокозавод. Коровам, однако, все равно – Новый год на дворе

или Пасха, они изволят дойти в любые праздники.

– Из чьих будешь? Из малаховских? – допытывался водитель.

Из них самых! Затем выяснилось, что водитель дядя Вася знал моего деда. Охотились вместе. Я вздохнула. Боль потери, как всегда, была рядом. Притаилась в груди, готовая напомнить о себе.

– Домой приехала. На каникулы, своих провести, – сказала ему.

От своих остались три могилы за оградой деревянной церквушки. Первая – бабушкина, затем дедова. Год назад, как раз на Крещенские морозы, у отца тоже случился сердечный приступ. Врачей папа не любил, пил какие-то таблетки, которые выписывал старый как мир доктор, друг деда. «От всего, – заверял отец, – отлично помогает». В тот раз не помогло. Умер у меня на руках, так и не дождавшись «Скорой». Я помнила его последние слова. Не слова, а бред какой-то. Отец твердил о свободных звездах и о том, что мне надо сделать выбор. Затем приказал взять браслет матери.

– Папа, какой браслет? – даваясь слезами, спросила у него. Не ответил. Сказал, что он меня любит, и...

И все, все! Он умер, и я его похоронила. Закрыла дом, вернулась в Екатеринбург, где училась на втором курсе журналистики. Хотела стать военным корреспондентом. Правда, мне всегда нравилось рисовать, и я даже подумывала о художественном, но отец сказал, что это не профессия.

Часто размышляла над его словами. О чем он говорил в последнюю минуту? Какие еще свободные звезды? Они и так свободны, им все равно, какой бы выбор мы ни сделали!

Браслет, кстати, нашелся. Правда, только через год, хотя я перерыла все вверх дном. Вскоре наш дом купил новый лесник. Оказался папиным сослуживцем, и его семья настаивала, чтобы я приезжала, когда захочу. Я захотела. Сначала летом, и вот теперь, под Новый год, потому что не смогла остаться в пустом общежитии, где лезла на стенку от одиночества.

Вернулась в ставший чужим дом и не пожалела. Дети бегали вокруг меня, да и жена лесника Анна мне тоже нравилась. Отличная хозяйка, очень беспокоилась за меня, словно была моей мамой. Мне было приятно.

Даже Дымок пришел. Долго обнюхивал, затем лизнул в руку, нос. Узнал, бродяга! Дети, конечно, от большого «котика» были в восторге. Вечером дядя Сергей, новый лесник, отдал мне коробку, которую нашел в подполе во время ремонта. В ней оказался военный билет моего отца, несколько орденов – его и прадеда, что воевал на Кольском полуострове. Говорят – снайпер был отличный, но где похоронен – никто не знал. Так и сгинул на войне.

Еще в коробке лежал металлический браслет. Я осмотрела со всех сторон, но так ничего и не обнаружила – ни знаков, ни надписей. Зря надеялась, что приведет к маме! Нашупала лишь углубление, в котором находилась едва заметная кноп-

ка. Нажала один раз, второй, третий – ничего! Беспольный хлам, но расставаться с ним не стала, решив, что если уж он мамин, то буду носить. Всегда! Бывало, мне снились сны – странные, яркие, в которых незнакомая женщина качала на руках и пела колыбельные. У нее были светлые волосы, как у меня, и глаза цвета летнего неба. Утром я просыпалась в слезах, почему-то уверенная, что снилась мама.

Тут водитель кашлянул, вырывая меня из мыслей.

– А что по ночам шляешься? Страх потеряла? – пожурил меня. – А если бы не я, а какой дурак ехал?! Девушка видная, мало ли, кому что в голову взбредет...

Хотела сказать, что если кому и взбредет, ходить ему без головы, но не стала. Вместо этого, вздохнув, объяснила, что поругалась с парнем. Сбежала, теперь вот домой иду. Затем, покорно кивая, выслушивала, как отчитывал незнакомый водитель дядя Вася. Мне нравилось, когда меня отчитывали. Казалось, кому-то небезразлична круглая сирота Маша Громова.

На середине тирады машина заглохла. Искра опять сбежала, в этот раз на скорости под восемьдесят километров в час. Как ни крутил водитель ключ в зажигании, возвращаться отказывалась. Даже лампочка, что освещала пластмассовой собачке обзор, и та погасла. Дядя Вася, ругаясь матерно, пытался затормозить, но тут на нас упал рев. Именно так – только что было тихо, и тут пространство разорвалось с оглушительным грохотом, переходящим в жуткий вой. Я не мог-

ла его описать, он бил по барабанным перепонкам, нарастая, набирая силу, приближаясь. Это... Будто над нами заходил на посадку реактивный лайнер, спутав взлетную полосу Екатеринбурга с расчищенной грейдером грунтовой дорогой из Звереве до Петровского!

Водитель вновь выругался, потому что машина завибрировала. Да так, что он с трудом удерживал руль. Стучали зубы, кости, мышцы. Я понимала, что нас сейчас накроет. И тогда – все! Все! В этот момент с неба перед нами упало черное, огромное, ревущее, пролетело дальше вдоль дороги, ломая деревья, мигая хороводом посадочных огней.

Черт! Это вовсе не пассажирский самолет, терпящий бедствие, а... Не знаю, что это! Военный истребитель? Я с изумлением увидела, как темная круглая громадина замерла метрах в сорока от нас, словно ей не требовалась полоса для торможения. Это невозможно, но мы сейчас в нее врежемся! – Прыгай! – заорала я дяде Васе.

Отцепила ремень безопасности, стянула рюкзак. Дернула ручку и выпрыгнула на ледяную дорогу. Сгруппировалась, приземлившись правильно, переводя силу удара в кувырок. Ударилась, конечно, да и рюкзак мешал, но зато ноги-руки целы. Резво подскочила и прыгнула в сторону, в сугроб у поваленной ЭТИМ ели. Мало ли, сейчас ка-ак рванет! Зарылась по самую макушку, чувствуя, как снег холодит разгоряченные щеки.

Не рвануло. Выглянула, пытаюсь оценить происходящее,

хотя внутренний голос предлагал убираться подобру-поздорову. Дядя Вася прыгать не стал. Молоковоз летел в чудо техники. Оно было метров в тридцать длиной, черное, хищное, в бегающих по корпусу красно-белых огнях. Двигатели рычали, поднимая вихрь снежинок, метавшихся рождественской пургой в свете прожекторов. Кажется, современная техника шагнула так далеко, что мирные граждане – я то есть – за ее достижениями не поспевали!

Тем временем не только искра, но и тормоза покинули терпящий бедствие ЗИЛ, потому что остановиться ему не удалось. Вместо этого молоковоз свернул вбок и упал в канаву вдоль дороги. Затем, словно в замедленном кино, перевернулся. Так и лежал, выглядывая желтым хвостом цистерны, и я видела, как крутилось в воздухе заднее колесо. Тут рев двигателей и вибрация, от которой тряслись земля и деревья, посылая меня мелким снежком с уцелевшей неподалеку ели, пропали.

А дальше-то что?!

Дальше открылся люк, и вышли пятеро. Замерли в свете огней. Все – в черных комбинезонах, на головах – шлемы с подсветкой. В руках – оружие. И вот тогда я подумала, что это – воинские учения. Еще пришла мысль, что, черт побери, началась война. Тревожно застучало сердце, а во рту стало мерзко, словно только что выпила яда. Внутренний голос уже вопил без остановки, призывая убратсья отсюда – тихонечко, лесом, заматая следы.

Даже если это учения, дядю Васю надо вытаскивать! Я выбралась на дорогу, перебежала, пригнув голову, на другую сторону и нырнула в канаву, подсознательно ожидая свиста пуль или даже попадания особо меткой. Не стреляли. Вместо этого, пока бежала к ЗИЛу, проваливаясь по колено в снег, слышала мужской голос, многократно усиленный динамиками. Он полетел над лесом, распугивая еще не умерших от разрыва сердца ворон, которые с громким карканьем взметнулись в небо.

Я ничего, ничегошеньки не поняла из того, что говорили. Уж точно не на русском и не на английском. Может, китайцы? Да хоть вьетнамцы! Мысль о совместных российско-китайских учениях меня согрела, но чем дольше думала, тем она становилась все холоднее и холоднее. Добежала до лежащего на боку молоковоза, сдернула варежки, счищая снег с ветрового стекла. Мне показалось, что дядя Вася шевелился внутри, и это придало резвости. Оббежав вокруг кабины, залезла на колесо ЗИЛа. Рывком открыла дверь. Тут китайцы или не-китайцы решили, что поговорили и хватит. Оглянувшись, увидела, как черные комбинезоны двинулись к машине.

Почему-то показалось, что неприятности будут крайне неприятными.

– Дядь Вася! – крикнула в полутьму кабины, потому что лампочка опять горела. – Как вы?!

Водитель застонал в ответ. Его лицо было в крови. Он ле-

жал на спине, повернувшись жутко неудобно, даже не пытался подняться. В кабине был снег, стекла и какие-то черные ветки, что проникали сквозь разбитое боковое стекло. Что же делать? Вызывать «Неотложку» и спасателей, но сначала... Нырнув в машину по пояс, выловила среди тряпок монтировку. Хоть какое, но оружие! Сунула под куртку. На всякий случай. А случаи, как известно, бывают разные. Спрыгнув в снег, пошла навстречу группе в черном.

Для начала решила поговорить. Как сложится дальше — время покажет.

Глава 2

Я все-таки очнулась, хоть и не ожидала. Тогда, в лесу, когда плечо пронзил синий луч, готовилась к боли, но вместо нее упала лицом в снег, потеряв контроль над собственным телом. Подумала: вот и все. Оказалось, ошиблась. Это было только начало, в которое явернулась из небытия, словно отпускник после летних каникул. Очнулась, вспоминая, привыкая. Ничего не болело, наоборот, я чувствовала странную легкость, словно меня накачали наркотиками по самые уши. По ощущениям – лежала на мягком пластике, и теплый воздух обдувал полуобнаженное тело. Последнее, что было на мне, – зимняя одежда; на улице – январская ночь. Значит, перенесли и раздели. Кто? Куда? И, главное, что за ерунда вокруг происходит?

Услышала, что кто-то завозился рядом, переступил с ноги на ногу. Человек наклонился, и до меня долетел запах чужого дыхания. Руки чуть выше запястья коснулась игла. Укол. Черт побери! Нет, я не думала подавать признаки жизни. Подождала, пока человек отойдет, затем на долю секунды открыла глаза. Этого хватило, чтобы заметить хирургическую белизну помещения – потолок, стены – все светлое до жути, и мягкий свет, который лился из круглого, на множество ламп, светильника над головой.

Твою ж дивизию!.. Папа предупреждал, что если попаду к

врачам, меня разрежут на опыты. Он оказался прав. Мелькнула глупая мысль, что чудо техники пригнали за мной. Незвестная организация поняла, что с российской девушкой Машей Громовой далеко не все в порядке, вот и похитила ее с зимней дороги неподалеку от Екатеринбурга.

Бред, бред и еще раз бред! Преподаватель по логике, старенький усатый Пал Палыч, вряд ли бы поставил «зачет» за эту теорию заговора. История от начала до конца смахивала на театр абсурда.

Да, папе бы понравилась первая часть – та, что до антракта... Я шла по дороге навстречу первым двум амбалам армейского типа в комбинезонах и думала, что вряд ли это китайцы. Слишком уж ростом вышли. С невинным видом школьницы из деревни, потерянной родителями в городском супермаркете, поинтересовалась у черных шлемов:

—

Дяденьки, а вы кто?

Дяденьки были в плотных комбинезонах, на которые успели нападать белые хлопья снега, с автоматами, что висели на плече. Хотя странное массивное оружие мало походило на виденное до этого. И еще дяденьки ни черта не понимали по-русски. Один из них махнул дулом в сторону летательного аппарата, предложив прогуляться в том направлении. Подозреваю, так и сказал на своем тарабарском.

Вряд ли здесь проводятся учения! Это... просто засада какая-то!

– Машина вылетела с дороги, – сказала им на английском, кивнув на молоковоз. – Водитель ранен. Нужна ваша помощь.

Они не поняли или не захотели понимать. Второй толкнул стволом в спину, показывая, куда идти. Я не пошла. Тогда он схватил меня за руку.

Нырнула в сторону, уходя с линии атаки. Монтировка с глухим звуком упала на обледенелую землю. Шаг в сторону, перехват, бросок через бедро. Выкрутила руку, заставляя чужака выпустить оружие. Перестаралась – услышала, как хрустнули кости. Он застонал, но я уже, подхватив монтировку, кинулась на второго. Успела до того, как мужчина осознал происходящее и схватился за автомат.

Монтировкой по рукам, выбивая оружие, затем по ногам, в подколенную впадину. Упал. Еще один удар – убивать не хотела, но била сильно. Когда растянулся, обездвиженный, сдернула с его плеча странное оружие, оставив взамен кусок железа из молоковоза. Наставила на кинувшихся ко мне партнеров по непонятной коалиции.

Черт! Рыбкой нырнула за кабину ЗИЛа, уходя от синих лучей из дул автоматов. Что это было?! Выдохнула, стерла с лица снег. Ведь собиралась стрелять первой – в ноги, по плечам, но не смогла. Пальцы скользили по незнакомому оружию, отыскивая курок, но... Его не было! Не было!

Внимательнее взглянула на «неведому зверушку». Реле, углубления, рычажки... Пока провозилась, так и не поняв,

как это работает, от эффекта внезапности не оставалось ничего. Думала было сбежать в лес, но поняла, что эту партию, к сожалению, проиграла. «Черные» обошли машину с двух сторон. Поэтому я подняла руки и бросила оружие в снег.

– Сдаюсь! – крикнула им.

Дяденьки пленных не брали.

Один из них вскинул автомат, и синий разряд угодил мне в плечо, хоть я и пыталась уклониться. Вместо боли напало странное оцепенение, парализовало тело, затем добралось и до органов чувств. Я стала падать в снег лицом, но холода не почувствовала. Слух тоже пропал. Последним исчезло зрение, как раз в тот момент, когда рядом с головой появились черные ботинки одного из нападавших. Ожидала, что ударит по лицу, но вместо этого провалилась в спасительную черноту.

Теперь – теплый пластик операционного стола и, наверное, доктор, что крутился возле меня. И еще – едва различимый гул работающих моторов, словно я очнулась на корабле. Наконец, открыла глаза и уставилась на человека, который, кажется, дожидался моего пробуждения. У него было странное лицо: узкое, вытянутое, смуглое, с большими черными глазами. Слишком большими. Небольшой приплюснутый нос делал его похожим на сыча. Я моргнула, решив, что зрение подвело. Нет, не подвело. Мужчина повернулся на секунду. У него оказалась выбритая голова, на затылке же он носил маленький хвостик, в который собирал остатки выкра-

шенных в синий цвет волос. Однако!..

Одет он был вовсе не в хирургический халат, как я ожидала, а в белый бесшовный комбинезон, что охватывал его массивные плечи и внушительный животик. Все, что ниже пояса, скрывал стол, на котором лежала. На плече мужчины красовался синий треугольник с незнакомыми символами. Я дернулась, потому что неожиданно символы сложились в знакомые буквы. «Восход Арана» – вот что было написано у мужчины на плече!

Похоже, мне что-то вкололи, из-за чего всю идут галлюцинации.

Огляделась на этот раз внимательнее. Помещение оказалось небольшим. Один проход вел в другую комнату. Еще увидела дверь без ручки на ближайшей ко мне стене, но с дисплеем и множеством кнопок. Из мебели в комнате были стол и полки, заставленные непонятными инструментами – наверное, дорогими и понятными сердцу доктора.

Закусила губу, подумав, что, не дай бог, меня готовят к операции. Кровь выкачать или на органы поделить... Как понять, что им надо?! И, главное, кто это – «они»? Попыталась встать с красного пластика стола. Не получилось. Запястья, плечи и ноги удерживали металлические обручи. Да и от одежды остались воспоминания. Вернее, незнакомая светлая сорочка, едва доходившая до середины бедра.

– С возвращением в мир живых, инори! – произнес незнакомец. У него был приятный голос. Бархатистый. Говорил

он на неизвестном языке, но я его понимала.

– А... вы кто? – выдавила из себя фразу на том же языке, словно говорила на нем с рождения. Мысли и образы с легкостью трансформировались в слова.

– Анор Кассиди, – представился он.

Я опять его поняла. Анор – это вовсе не имя, а... Внутри закрипели извилины, справляясь с трудностями перевода. Перевели. «Анор» – младший военный чин, вот что это! А «инори» – обращение к незамужней девушке.

– Почему я вас понимаю? – растерянno спросила у него.

– Кто-то имплантировал вам знание Общего Галактического и еще двадцати языков Империи, – анор Кассиди протянул руку, пытаясь дотронуться до моей головы в области виска, но я дернулась, и он передумал. – Я лишь активировал.

– О чем вы говорите? Почему я... в таком виде? Почему в меня стреляли?

– На эти вопросы я не имею права отвечать. Единственное, что скажу – вы в медицинском отсеке «Восхода Арана».

– «Восход Арана»? – спросила у него. – Это... корабль такой?

– Да. Исследовательский крейсер рагханов.

– Ясно, – сказала ему. – Значит, рагханов... Рагханов, так рагханов!

Я сошла с ума, все так просто объяснилось! Выпала из машины, ударилась головой и с тех пор пребываю в мире гал-

люцинаций. Все мне чудится: и люди в черном, и драка, и перестрелка, и еще этот, с хвостиком, похожий на сову. Только... слишком уж живые галлюцинации. Я скосила глаза, пытаюсь рассмотреть пострадавшее плечо. Ничего!

– В вас выстрелили из парализатора, – сообщил мне доктор. – Он обездвиживает человека на три... – тут мозг сбоял и переводить слово «циклинии» на понятный мне язык отказался. – Двум анорам от вас неплохо досталось. Переломы, гематомы, – произнес он с явным удовольствием. – Вы прибавили мне работы, инори! До вашего появления на корабле было скучно.

Он нес бред, словно был таким же помешанным, как и я. Или же... Это и в самом деле инопланетный корабль, а папа не зря боялся «зеленых человечков»?

– Я взял пробы крови на генетический анализ, – продолжал мужчина. – Ответ будет готов чуть позже, через десять циклид.

Черт с ними, с циклидами... Так и думала, пробы! Пробы крови! Отец в детстве говорил, что если попаду к врачам, они не отстанут. У меня была повышенная регенерация. Дед смеялся, что заживает как на собаке – большом добродушном Мухтаре. Отец возражал, что намного быстрее, и бабушкины бальзамы к этому не имели отношения.

Тут анор Кассиди повернул руку ко рту, и я увидела, на запястье мужчины находилось устройство, похожее на телефон.

– Медицинский отсек на связи, – произнес он. Ему что-то крякнули в ответ. – Инори в сознании.

Я мысленно застонала. Черт, успел сообщить, куда не следовало!

– Анор Кассиди, дайте воды! – прошептала я. – Во рту пересохло.

– Это последствия действия парализатора, – со значением произнес доктор, будто выступал перед научной аудиторией, а не перед жертвой, прикованной к операционному столу. – Попадание луча в любой участок тела приводит к потере сознания на три циклинии. Еще одну циклинию после того, как закончилось действие, у пострадавших наблюдаются побочные эффекты – головокружение, расстройство желудка, вялость и сонливость.

Доктор взял с полки сосуд с длинным носиком. Поколдовав с кнопками стола, на котором лежала, поднял его половину, пока я не оказалась в сидячем положении. Поднес сосуд к моим губам. Я сделала глоток – вода с привкусом цитрусовых. Закашлялась вполне убедительно.

– Доктор... Анор Кассиди, – пробормотала я, – можно мне самой напиться?

Он посмотрел на меня с сомнением. Я на него – жалобным взглядом котика из «Шрека». Наконец, доктор пробормотал, что отпускать меня не велено. Оно и ясно – буйно-помешанная, недолеченная, опасная для общества, но пациентка, которой хочется пить! Нажав подряд две кнопки на об-

руче, доктор высвободил запястье моей правой руки, затем плечо.

– Пейте, инори! – произнес он, протягивая сосуд с водой.

Доктора я жалела лишь долю циклиды или как ее там. Вцепившись в комбинезон, дернула на себя, изо всей силы боднув лбом ему в висок. Больно! А уж какво анору... Такой подлости он не ожидал, но высказаться о моем поведении не смог. Сполз вниз и прилег на полу. Я потерла лоб, затем освободила вторую руку – хорошо, запомнила, на какие кнопки нажимать. Теперь – ноги. Наконец, спрыгнула на пружинистое покрытие пола. Пожалела, что из одежды на мне сорочка, едва прикрывавшая бедра. Одернула тонкую ткань. Под ней – ничего! Кинула взгляд на руку, затем пощупала шею, отыскивая тонкую серебряную цепочку. Мамино-го браслета не было, как и бабушкиного крестика. Козлы!..

Обыскала доктора, но оружия у него не нашла. Мелькнула мысль снять с мужчины комбинезон, но передумала, вспомнив, что сейчас пожалуют санитары. Кинулась к полке, прихватила внушительных размеров скальпель и бросилась в соседнюю комнату. Людей в ней не нашла, стояли лишь три бокса с множеством кнопок и разноцветных огоньков, бегающих по корпусу. Они напомнили мне солярии. Тут что, загорают в свободное от дежурства время?!

Решив, что не мое дело – пусть развлекаются, как хотят, – осмотрела помещение, но выхода из него не было. Так же как и у меня – плана побега из психиатрической лечебницы

или... инопланетного корабля, поэтому я решила действовать по обстоятельствам.

Для начала вернулась в комнату, где пришла в себя, и попыталась открыть дверь. Нажала наугад несколько кнопок на дисплее, но дверь на провокации не поддавалась. Из всей силы стукнула по дисплею кулаком. Помогло – появилось изображение девушки приятной наружности, которая милым голосом посоветовала проверить код доступа или повторить еще раз. Еще раз? Да пожалуйста! Собиралась всадить экран скальпель, создав на «Восходе Арана» короткое замыкание, но тут дверь открылась. Сама!

Нет, это были не санитары в белых халатах, а двое здоровенных мужиков: один в черном комбинезоне, с пистолетом на боку, второй – весь в белом. Кажется, безоружный. Рассматривать не стала – тот, что в черном, сразу же получил пяткой в живот, да так, что, выдохнув, сложился пополам. Затем добавила коленом в ухо. Перешагнув через упавшее тело, повернулась к белому, который пытался вызвать подмогу. Чиркнула скальпелем около его горла – угу, совсем близко, как раз у того места, где заканчивался жесткий воротник комбинезона. Мужчина тут же передумал не только сопротивляться, но и разговоры разговаривать. Дальше, оглушенный ударом в голову, живенько сполз по стенке.

Пошарив на боку черного, сорвала с поясного ремня пистолет. Станный пистолет, да и коридор, по которому бежала, не отличался адекватностью: цилиндрической формы,

с «ребрами» соединений, мелькающими дисплеями дверей, подсвеченный мягким светом, что лился с потолка. Я все больше склонялась к мысли, что нахожусь на инопланетном корабле. И... что теперь? Хорошо, если он стоит на якоре, приземлившись где-нибудь под Екатеринбургом. А если не приземлился?!

Тут я добралась до первой развилки и призадумалась. В какую сторону бежать? Справа донеслись мужские голоса, и я свернула влево. Поворот, еще поворот. Бежалось хорошо, даже слишком. Ноги пружинили, и я едва не срывалась на прыжки, чувствуя себя молодым кенгуру, выпущенным на волю из зоопарка. Наверное, здесь была меньшая гравитация, чем та, к которой привыкла. Это наводило на подозрения, что мы далеко от Екатеринбурга. Вернее, высоко.

Наконец, остановилась рядом с одним из поворотов, прижалась спиной к стене, чувствуя, как металл холодит разогретую спину. Попыталась разобраться с трофейным оружием. Курок и предохранитель, как и в первый раз, я опять не нашла, зато увидела прорезь, в которую засунула палец. Там и нащупала кнопку.

Словно на удачу, из-за угла выехал небольшой механизм на колесиках. Вращаясь и деловито попискивая, робот-уборщик принялся елозить по полу. Вытянув руку, я нажала на кнопку. Синий луч ввел робота в ступор, но вовсе не разорвал на части, что меня порадовало. Целиться в живых людей намного проще, зная, что они очнутся через две цик-

линии с расстройством желудка, вялостью и головокружением, а вовсе не с огнестрелом. Робот, простояв секунд пятнадцать, замигал лампочками. Перезагрузив программу, продолжил уборку, а я побежала дальше.

Остановилась у очередного поворота, выглянула из-за угла. Отпрянула назад. Навстречу шли двое в белой форме. Черт! Тут, как назло, по коридору пронесся тревожный сигнал, схожий с нашей сиреной, а над головой истерически замигала дорожка из красных огней. Уверена, цветомузыка по мою душу!

Не ошиблась: приятный мужской голос предложил иноре – мне, наверное – бросить оружие и сдаться, пообещав, что взамен репрессий не будет. Как же, поверила! Однажды уже сдалась – на ледяной дороге, после чего очнулась, прикованная к операционному столу. Уж лучше я побегаю!

Раз сезон охоты объявили и открыли, осталось выяснить, кто у нас жертва. Вышла из-за угла и выстрелила в сорвавшихся на бег мужчин, на ходу вытаскивавших оружие. Синий луч попал в одного, затем, не мешкая, во второго. Я не собиралась промахиваться. Дед натаскал так, что рассказы об охотниках, стрелявших в глаз белке, чтобы не испортить мех, давно уже не казались бреднями.

Затем я бегала, словно олень или же антилопа гну. Долго, далеко, резво. Петляла, сбивая со следа, теряясь в бесконечных коридорах, пока не стала следовать надписям у лестниц и поворотов. По ним поняла, как попасть на верхние палу-

бы и как – в машинное отделение, к реакторам. К реакторам мне не хотелось, а вот наверх я бы прогулялась!

Опять бежала. Люди в черном попадались все чаще, ошестинивались синими лучами. Я огрызалась в ответ. Догадавшись, что мои передвижения отслеживают, принялась стрелять по камерам в каждом из коридоров. Один раз выкинула пистолет, поняв, что тот скоро разрядится: горящий индикатор на стволе с каждым выстрелом приближался к нижней точке шкалы. Забрала точно такой же у «черного», что пытался достать меня на лестнице и так неосторожно выглянул в пролет.

Я поднималась все выше, избегая лифтов. Миновала пищеблок. Кажется, сегодня на обед у персонала «Восхода Арана» мясо с незнакомыми специями, чей легкий запах ударил мне в ноздри. Повара живо попрятались под столы. Не все. Двое из обслуживающего персонала, которым оружие, подозреваю, не было положено по рангу, решили поймать меня голыми руками. Неправильный ход мыслей! Вскоре и они прилегли на выдраенный до блеска пол.

Принюхавшись, решила, что обедать все же не буду. Не в этой жизни! Я давно уже поняла, что шансов выбраться у меня нет. Размеры корабля – черт его побери! – внушали уважение, и в погоню за мной, подозреваю, отправили весь экипаж. Меня пытались отрезать от лестниц, запереть в коридорах, но я догадалась, как открываются двери. Стоило приложить руку жертвы к дисплею, и... Либо срабатывал чип в

ладони, либо сканировали отпечатки пальцев, но дверь отъезжала в сторону, а вежливая светловолосая девушка на дисплее, чем-то похожая на меня, желала хорошей циклинии.

С упорством обреченных я поднялась еще на два этажа, пока, наконец, не поняла, что добегалась. В парализаторе заряд был на минимуме, а воевать вооруженной одной сорочкой против команды крейсера... В общем, проиграла. Меня загнали в длинный переход, отрезав пути отхода. Я видела, как появились черные комбинезоны с одного конца коридора. Слышала, как, топая и тяжело дыша, приближались преследователи с другого. Кажется, кто-то на корабле не в лучшей форме...

Отбросив оружие, стала на колени лицом к стене и сложила руки за головой. И все потому, что стена была прозрачной. В смотровом иллюминаторе – черт его побери! – я увидела то, что добило меня окончательно.

Это была огромная планета с темными пиками горных гряд, усеянная неровными кляксами кратеров. Серо-черная и безжизненная, абсолютная холодная пустыня... Зато вдали – очень, очень далеко! – виднелся бело-голубой шарик еще одного небесного тела. Сердце забилося, и мне пришлось закусить губу, чтобы не завывать от горя. Я узнала эту планету. Узнала!.. Мы удалялись, улетали от нее прочь в равнодушное звездное небо. Я смотрела на обратную сторону Луны, на виднеющуюся Землю и гадала, увижу ли ее вновь.

Глава 3

Атор Тайлан Дабар, «Восход Арана».

– Капитан в рубке! – раздался резкий голос второго помощника, атора Данли, когда Тайлан Дабар, печатая шаг, вошел в центр управления полетами. Задвинулись двери, отделяя рубку от остального корабля.

Аторы за дисплеями подскочили раньше, чем он успел приказать им оставаться на местах. Короткий военный поклон – дань традиции, символ уважения к вышестоящему по рангу – и аторы вернулись к работе.

– Найдите мне старшего помощника, – приказал Тайлан аторе Найси, опускаясь в капитанское кресло, – и свяжитесь с медотсекком. Возможно, он там. И еще наметните анору Кассиди, что я уже десять циклид жду его доклад. Если ему необходима помощь, пошлите еще двух стажеров.

Тайлан подозревал, что доктор, привыкший к размеренному течению жизни на крейсере, в которой медицинско-го вмешательства требовали разве что бытовые травмы или переутомление от длинных смен, не справлялся с чрезвычайной ситуацией. «Чрезвычайная ситуация» оказалась молодой и крайне резвой. Выйдя из-под контроля, причинила массу неудобств и разрушила слаженный режим работы команды «Восхода Арана». Теперь сидела под охраной в каюте

в женском крыле крейсера.

Капитан хотел навестить пленницу до старта. По-хорошему, ее требовалось допросить раньше, чем до девушки доберутся аторы из военной разведки, но побег выбил их из графика. На разговор с инори не оставалось времени – миссия была согласована чуть ли не до последней циклинии еще за цикл до ее начала. «Восход Арана» ждал свободный коридор от точки выхода из надпространства до военного космопорта в системе Рагхи, поэтому они стартовали по штатному расписанию, несмотря на то что четырнадцать членов экипажа находилось в медотсеке. И старший помощник куда-то запропастился, хотя его имени не было в списках анора Кассиди!

Тайлан приложил правую ладонь на дисплей центрального компьютера, и тут же ожила, очнулась астоа, виртуальная система управления корабля. На экране появилась светловолосая девушка с очаровательной улыбкой. Поклонилась, приветствуя капитана. Он чуть было не улыбнулся в ответ, но оборвал себя. Зачем отвечать на улыбку виртуального существа, созданного полетом собственной фантазии?

Привилегия капитана – выбрать облик астоа для своего корабля. Приняв командование над крейсером, он в первый же день придумал образ светловолосой синеглазой девушки с милой улыбкой на красивых губах. Именно тот тип, который ему нравился. По странному стечению обстоятельств, девушка была похожа...

– Вывести на экран запись из каюты инори, – приказал он астоа.

Картинка не заставила себя ждать. Пленница, на этот раз уже не в полупрозрачном коротком куске ткани, а в красном комбинезоне, сидела на кровати. Неподвижная, словно неживая, она уставилась в противоположную стену. Да, сходство налицо, пусть не столь явное, но... Поморщившись, капитан сдвинул окно трансляции в угол дисплея.

– Начинаем подготовку к старту, – приказал аторам в рубке. – Атора Найси, запускайте отсчет. Десять циклид, время пошло.

– Да, атор капитан!

– Свяжитесь с главным механиком, пусть подтвердит готовность к запуску дополнительных реакторов.

– Слушаюсь, атор капитан!

– Атор Ильсар, введите информацию о новом курсе в главный компьютер.

– Да, атор капитан.

– Атор Штар, проверьте готовность экипажа к старту.

Оставшегося экипажа, – мысленно поправил себя капитан, после чего продолжил предстартовую подготовку согласно инструкции, выученной на зубок в Летной Школе и многократно воплощенной в жизнь.

Тайлан Дабар любил свою работу. Носитель Изначального Гена, он с детства знал, что рожден для полетов в космос. Тайлан не противился предназначению. Ему нравилась де-

ловая атмосфера в рубке, слаженная работа команды, утробное урчание двигателей и, наконец, момент, когда корабль разогнался до скорости света, и он выводил его в надпространство. Затем – такие близкие далекие звезды, расстояния между которыми покорялись аранам в силу особенностей его племени. А еще – фантастическое, невероятное ощущение безмирья и безвременья, дарующее наслаждение, сравнимое разве что с кульминацией близости с женщиной.

Он любил летать. Когда ему было от силы четыре-пять циклов, Тайлан решил, что станет капитаном огромного имперского корабля. Его отец, проконсул Арана, взял сына в космопорт, когда на планету прибыл сам Император на красавце-лайнере, так поразившем мальчишеское воображение. С тех пор Тайлан упорно шел к своей мечте.

Став лучшим выпускником Имперской Летной Школы за последние сто циклов, он уверенно взбирался по карьерной лестнице. Отработав цикл стажером на внутренних грузовых рейсах между тремя планетами звездной системы Арана, Тайлан с отличными рекомендациями перевелся на пассажирские линии. Отлетав четыре цикла между оживленными планетными системами Империи, где в его работе не было ни единого нарекания, он получил в ведение новенький, только что сошедший с доков Арана разведывательный крейсер «Восход Арана».

В комплекте к нему шла большая часть команды с патрульного крейсера «Звездный Путь», уничтоженного пира-

тами со Свободных Территорий. Второго и третьего помощника, а также двух пилотов Тайлану удалось забрать с прежнего лайнера. Притирки и разногласия в команде не заставили себя ждать, да и во взгляде старшего помощника со «Звездного Пути», синеволосого симира, не всегда мелькало одобрение действиям молодого капитана. Тайлан решил, что если атор Ган Си не смирится с положением дел, после этой миссии отправится искать другую работу. Хорошим специалистам всегда есть место в обширном звездном флоте Империи, как торговом, так и военном, которому не было равных в галактике.

Никто не мог устоять против мощи рагханов – лишь Свободные Территории сохраняли видимость независимости, но капитан знал, что Император вскоре разорвет перемирие с Красным Цоргом. Его отец входил в Совет Трех Кругов Власти и держал Тайлана в курсе.

Но, пока не началась война, «Восход Арана» выполнял разведывательные миссии. Текущая протекала мирно – выйдя из надпространства в системе У-Р312А, крейсер тридцать дней прятался за спутником единственной обжитой планеты, на которую несколько раз посылали беспилотники. Ученые ковырялись в полученных пробах, а рагханы из разведки собирали информацию об уровне готовности ее войск.

Тайлан понимал, что это значит. Не пройдет и двух циклов, как планета У-Р312А присоединится к Империи Рагханов. Точнее, присоединят. Точно так же, как и в незапамят-

ные времена – его родину. Но эта планета, как и Аран, умела огрызаться. Десять циклов назад местные сбили разведывательный челнок с шестью членами экипажа на борту. В тот раз удалось спасти лишь двоих. В Летной Школе после этого случая был введен курс лекций о безопасности полетов над территориями неосвоенных планет. Следы крушения тщательно затерли. Военная разведка не хотела, чтобы обитатели У-Р312А узнали о рагханах раньше времени.

Планету тоже в скором времени ожидала «чистка» – ее превратят в придаток Империи, а ее население – в оружие по увеличению прибыли рагханов, без права голоса, но с правом платить непомерные налоги.

В принципе, под властью рагханов жилось... Жилось, одним словом. Планеты, что входили в Три Круга Власти, имели представительство в Имперском Совете, но Тайлан знал, насколько оно формально. Недовольных властью не было – они тут же гибли под военной машиной. Восстание аранов пятнадцать циклов назад – как раз в цикл, когда Тайлан родился – было подавлено жестоко и кроваво. Тех, кто выступил против системы, казнили. Убивали не только зачинщиков – вырезали целые семьи, ведь по законам Империи вина за мятеж распространялась на три поколения.

Тайлан старался держаться как можно дальше от рагханов, но столкнулся с ними нос к носу на собственном корабле. На «Восходе Арана» присутствовали два атора из разведки, что оценивали уровень военной угрозы планеты У-

Р312А, и Наставник Гахри, высший чин из Имперского Надзора. Наблюдатели – обычная практика на разведывательных кораблях.

Несмотря на то, что в табеле о рангах рагхан Гахри стоял выше Тайлана, властью он не злоупотреблял, но везде совал длинный нос, не забывая просовывать следом узкий череп. Тайлан был уверен, что каждым вечером, по истечении десяти циклиний дневной вахты, Наблюдатель строчит доносы в Надзор, не забывая упомянуть любой недочет в работе команды. В Империи у каждого гражданина был собственный «коэффициент лояльности» – стоило тому упасть ниже определенного уровня, и о карьере на военном флоте можно забыть. Попавших в немилость ждали разве что рейсы на грузовых кораблях между планетами Третьего Круга.

Тайлан действовал по инструкциям, зазубренным еще в Летной Школе, стараясь не допускать погрешностей. В ситуациях, когда инструкции не были написаны, полагался на здравый смысл. И все же, иногда глядя в высокомерное, холодное лицо Наставника, капитану казалось, что это его последний рейс на «Восходе Арана». Проколы имели место быть. Вернее, появились после того, как датчики уловили слабый сигнал с браслета-передатчика одного из членов погибшей десяти циклов назад экспедиции.

Тайлан решил забрать носителя, хотя миссия «Восхода Арана» подходила к концу. Поняв, что засиделся на корабле, взял в руки штурвал легкого челнока, выбрав подходящий

момент: носитель, словно по заказу, оказался в ночное время вдали от населенных пунктов. Правда, тихого захвата не получилось. Вместо него – перевернутое транспортное средство, два анора, которым требовалась медицинская помощь, и девушка-носитель, обездвиженная лучом из парализатора. Слишком молодая, чтобы быть одной из выживших с разведывательного корабля.

– Женщина-кошка, – жаловался анор Дис. Тайлан, ожидая стыковки с крейсером, вспоминал оказание первой помощи из программы Летной Школы, а анор Дис – проклятия и имена темных богов его планеты. – Аборигенка! Вышвырнуть ее в открытый космос, чтобы не нести местную заразу на корабль! Простите, атор капитан!

Тайлан качнул головой. Дис был не прав. Девушка с планеты У-Р312А оказалась аранкой. Связующая сила – великий дар его народа – аране чувствовали своих везде, даже среди толпы, даже если они находились за мириады стадий от родной планеты.

– В медблок ее, – приказал он. – Анор Кассиди, – обратился к подроспевшему медику. – Когда закончите с анорами, проведите полный курс регенерации. Я не хочу, чтобы девушка принесла на крейсер местные болезни. И еще, сделайте инори необходимые прививки.

– Капитан, – раздался голос старшего помощника, когда Тайлан смотрел, как роботы катили носилки в сторону медицинского царства анора Кассиди. – Мы забираем инори с

собой? Не лучше ли допросить, а затем, стерев память...

Не договорил. Кажется, атор Ган Си тоже считал, что лучший способ поступить в этой ситуации – вышвырнуть инори в открытый космос. Оба атора понимали, что вернуть девушку на планету до назначенного времени старта они не успеют.

– Она – из моего народа, – сказал капитан. – Скорее всего, дочь одного из членов погибшей экспедиции. На том корабле было трое аранцев. Инори отправится на родину, где Органы Опеки найдут ее семью. В этом не может быть ошибки, атор Ган Си! Я не забуду отразить это в рапорте.

– Отлично сработано, капитан! – раздался шипящий голос рагхана Гахри. – Уверен, девчонке есть, что рассказать. И еще мне нужен полный генетический анализ ее крови.

– Наставник?! – повернулся к нему Тайлан, но рагхан не собирался продолжать.

Его мысли, к сожалению, не были подконтрольны атору Дабару. Иногда Тайлана обуревало мальчишеское желание схватить рагхана за горло и встряхнуть из него подозрительность и тот ужас, который одним лишь видом он внушал его команде. А еще лучше – вызвать на поединок чести и прикончить за те взгляды, которыми награждал аторов с «Восхода Арана».

Единственно, наукой не доказано, что у рагханов есть честь.

Получив одобрение Наставника, в котором он не нуждался, Тайлан вернулся к обязанностям капитана. Старт крей-

сера в систему Рагхи ожидался через шестьдесят циклид, но о размеренной подготовке в соответствии с инструкциями пришлось забыть. Инори сбежала и, резво передвигаясь по коридорам корабля, отстреливала аторов и аноров, словно рогатых байдеров, быков с его родной планеты, которые во время весеннего гона теряли разум.

– Медотсек на связи, – раздался приятный голос астоа. – Вывожу на дисплей.

– Четырнадцать, атор капитан! – восторженно завопил доктор, чей висок украшал впечатляющих размеров синяк. У анора Кассиди явно не хватило времени воспользоваться регенератором. – Сломанные ребра и два отрытых перелома. Один вывих, но я вправил, и анор вернулся к своим обязанностям. Я работаю, атор капитан!

– Благодарю вас за старание, анор Кассиди! Что с инори?

– У меня еще не было возможности ее осмотреть, – доктор неуверенно потер лоб. – Но я сделаю это в ближайшую циклиду.

– Возьмите охрану и не допустите еще одного побега. Да, и держите свою голову подальше от инори!

Анор Кассиди поклонился. Капитан закрыл окно связи, после чего приказал виртуальной системе вывести на экран данные с камер слежения. Астоа не скупилась, показывая беглянку со всех сторон. Короткая медицинская сорочка не скрывала тренированного тела инори. Девушка остановилась, подняла парализатор. Выстрел, и экран потух. Астоа

тут же запустила похожую запись с других камер. На беглян-ку оказалось приятно посмотреть, поэтому Тайлан посмотрел еще раз. Затем еще...

– Атор капитан! – он услышал покашливание старшего помощника.

– Видели то же самое, что я? – усмехнувшись, спросил Тайлан у атора Ган Си. Дождавшись кивка старшего помощника, продолжил: – Тогда займите свое место в рубке! Когда выйдем из надпространства, жду рапорт о функциональной готовности экипажа к чрезвычайным ситуациям. Вернее, о его неготовности.

– Слушаюсь, атор капитан!

Тайлан повернулся к аторе Найси.

– Восемь циклид до старта. Проконтролируйте, чтобы инори осмотрел анор Кассиди. Да, и пришлите к ней атору из женской половины экипажа. Пусть подготовит девушку к выходу в надпространство.

– Не стоит, атор капитан! Я сам займусь юной инори, – раздался над ухом скрипящий голос рагхана.

Тайлан хотел возразить, но не нашел ни единого довода, чтобы остановить Наставника. Бритоголовый, узколобый имперец имел полное право распоряжаться на корабле, словно у себя дома.

– Старт через двадцать одну циклиду, – скрипнув зубами, произнес Тайлан. – Настоятельно рекомендую оставаться в своей каюте до выхода из надпространства.

Наставник Гахри вперился взглядом в Тайлана.

– Вы неплохо вжились в роль капитана гражданского судна, атор Дабар. Не забывайте, где вы и с кем разговариваете, иначе вернетесь на пассажирские рейсы!

Развернувшись на каблуках, Гахри вышел из рубки. За ним, словно две тени, следовали двое рагханов.

Аторы из военной разведки держались отстраненно, дружбы с экипажем не водили, в пищевом блоке сидели отшельно, заняв лучший столик около иллюминатора. В их отсутствие на этот столик никто не покушаться, словно рагханы были заразны страшной болезнью айсада, последняя эпидемия которой унесла жизни трети Империи. Эпидемию обуздали задолго до рождения Тайлана, но... Айсада эти рагханы!

Тайлан, выругавшись от души, вернулся к работе.

– Готовность первого энергоблока – сто процентов. Готовность второго энергоблока – сто процентов. Готовность...

Слушая размеренный голос астоа, капитан размышлял, как уберечь инори. Допросов ей не миновать. Он понадеялся, что девушка не вздумает сопротивляться военной разведке. В противном случае, защитить ее будет сложно.

Конечно же, он не видел, как Наставник остановился у каюты А12 в женском крыле «Восхода Арана». Проводил взглядом уходящего анора Кассиди. При виде рагханов у доктора учащенно забилось сердце. Полноватый анор едва удержался, чтобы не сорваться на бег, и успокоился лишь

в медотсеке, где принялся устраивать пациентов к выходу в надпространство.

Наставник Гахри бросил взгляд на двух охранников, представленных к двери каюты.

– Вы свободны! – сказал им. Аноры выполнили приказ без вопросов, в отличие от молодого капитана, в поведении которого зрели плоды неподчинения. Гахри уже знал, что напишет в сегодняшнем рапорте: к атору Дабару стоит присмотреться внимательнее.

Рагхан приложил руку к дисплею:

– Открыть дверь и отключить камеры, – сказал он астоа. – Разговор будет сугубо конфиденциальным, о его содержании никто не должен знать.

– Да, Наставник Гахри! Выход в надпространство через восемнадцать циклид, – напомнил женский голос с дисплея. – Не забудьте вернуться в свою каюту до старта. Капитан и команда «Восхода Арана» желают вам приятного полета!

Рагхан поморщился, но ничего не ответил. Дверь распахнулась, и он уставился на светловолосую пленницу. Девушка сидела на кровати, сложив руки на коленях, и безучастно рассматривала противоположную стену. Голова гордо вздернута, но спина, прямая и напряженная, выдавала волнение. Инори повернулась на долю циклинии, окинула взглядом пришедших, затем потеряла к ним интерес.

Гахри в очередной раз поразился их сходству. Не только

аранин Дабар, он тоже узнал инори. Причем сразу! Старое помешательство возвращалось, грозя поглотить его разум.

Гахри приказал аторам стать у дверей и никого не пускать. Затем пошел к девушке. Шаг, еще один... Та встреча, десять циклов назад, не стиралась из его памяти, хотя, видят Темные боги Рагхи, он всеми силами пытался ее забыть!

Глава 4

Я знала, что меня расстреляют. За плохое поведение, вернее, за то, что бегала, палила в аноров и аторов и ломала им кости. Всю жизнь отец учил скрывать, кто я есть на самом деле. Вернее, какой он меня вырастил. Прятать военную подготовку и способность к ускоренной регенерации. Не попадаться на глаза врачам и полиции. Не ввязываться в драки. Быть вежливой. Хорошо учиться. Вести скромный образ жизни. Из года в год я вживалась в образ серой и незаметной Маши Громовой, пока... Пока не сорвалась.

Стоя на коленях рядом с иллюминатором, глядя, как удаляется Земля, я отчаянно хотела, чтобы они не тянули. Расстреляли сразу же. Здесь и сейчас. Вместо этого меня заперли в крохотной камерке с видом на противоположную стену. Охранники кинули красный комбинезон. Я переоделась под внимательными мужскими взглядами. Решила не унижаться и не просить, чтобы отвернулись. Не отвернутся! Они знали, на что я способна. Бросила охране тряпку, служившую одеждой, и стала ждать, когда за мной придут. Мне не было страшно. Там, за гранью, были те, кто любил больше всего. Но...

Я врала себе – мне было тревожно. И еще я думала... Усмехнулась про себя. Да, иногда у меня получалось думать! Если не убили сразу, значит зачем-то им понадобилась. На-

верное, будут разговоры разговаривать или опыты ставить. Кто знает, вдруг эти инопланетяне долбаные – аноры-аторы – хотят захватить Землю, поэтому им нужен Самый Страшный Военный Секрет? Тогда их ждет жестокое разочарование: не ту взяли! Я ничего, ничегошеньки не знала.

В общем, решила молчать. Молчать, во что бы то ни стало. Выжидать. Выживать. Ведь с корабля невозможно сбежать, пока он не приземлится. Поэтому сидела и вспоминала прошлое, то, что когда-то говорил отец. Думала о Ленке, о Ромке Морозове, о последнем прочитанном романе и повторяла про себя неправильные английские глаголы.

Затем пришел неунывающий анор Кассидис гигантской шишкой на голове. Хотела извиниться, но не стала, решив изображать молчаливую комсомолку на допросе у фашистов. В прошлом моего народа были героические примеры, почему бы мне им не последовать?!

Под присмотром двух здоровяков в черных комбинезонах доктор долго водил над моей головой каким-то прибором, словно он – знаменитый маг-чернокнижник, очищавший меня от порчи. Болтал без умолку о том, что миссия «Восхода Арана» закончена, и корабль возвращается в систему Рагхи, где экипаж ждет желанный отпуск.

А меня? Что ждало меня, у доктора спрашивать не стала. Он ушел, сунув в руку крестик, сказав, что пришлось снять, когда лежала в регенераторе. Улыбнулась, поблагодарила, выходя из образа Снежной Королевы или Зои Космодемьян-

ской. Когда стала надевать, и заметила... Черт! Тонкие, едва заметные светлые шрамы от неосторожного обращения с Дымком – иногда, заигравшись, рысь выпускала когти – исчезли. Кожа на запястьях стала ровной, словно... Словно я только что родилась! Осмотреть остальные шрамы не успела, потому что дверь распахнулась, и в комнату вошли трое.

Эта фактурная троица одним своим видом внушала мысль о близости загробной жизни. Одетые в черные комбинезоны, которые носили высшие офицеры-аторы, пришедшие почти не отличались от людей. У них были узкие, удлинённые черепа, полностью выбритые головы и татуировки, берущие начало от правого виска. Какие-то символы или, быть может, буквы, которые усталый от обилия информации мозг отказался переводить. Глаза мужчин приковывали внимание. Слишком большие, с огромной черной радужкой, в которой терялся зрачок, они казались мне дырой в Бездну. Лица – высокомерные и равнодушные, взглянув в которые, я отвернулась и уставилась в старую знакомую – стену.

Двое остались у двери, третий, с непонятными знаками различия на груди черного комбинезона – красные треугольники, – прошел, остановился передо мной. Я бросила на мужчину быстрый взгляд. Высокого роста. Худой, но крепкий. Наверное, средних лет, ведь я ничего не знала о тех, кто захватил меня. На щеке – тонкая полоска застарелого шрама, словно от удара ножом. Странно, почему не убрал, ведь, кажется, им доступна полная регенерация?

Опасный, очень опасный! Интуиция завопила, предупреждая, что от этого... инопланетянина лучше держаться подальше

– Встать! – рявкнул мужчина.

Я не пошевелилась, размышляя, как вести себя на допросе. Сбегать и не думала – не дадут! Двое, что замерли у дверей, положив руки на оружие, явно не собирались повторять ошибки анора Кассиди.

Время на размышление мне тоже не дали. Мужчина замахнулся, и я непроизвольно закрыла глаза, понимая, что сейчас ударит. Не ошиблась. Пощечина наотмашь – сбоку, в скулу – такой силы, что от боли перехватило дыхание, и я приложилась в стену затылком.

– Я привлек твое внимание? – спросил атор. – Встать!

Встала. Не потому, что болела разбитая скула. Я хотела знать, что им от меня надо. Если будет планомерно избивать за непослушание, какие тут разговоры? Замерла перед мужчиной, стараясь не трястись от выброса адреналина. Страшно не было, наоборот... Едва сдерживалась, чтобы не совершить какую-нибудь глупость. Например, выхватить у него из-за пояса оружие. Но я понимала, что на этом земной путь Маши Громовой закончится. Хотя... Он и так уже закончился, ведь мы – в открытом космосе!

– Мое имя – Наставник Гахри. Повтори!

– Наставник Гахри, – покорно произнесла за ним.

– Как тебя зовут?

– Маша Громова.

– Откуда у тебя браслет?

– Нашла.

Он вновь меня ударил. Еще одна пощечина такой силы, что я, решив не сопротивляться, упала на кровать. Лежала, чувствуя, как течет кровь из разбитой губы и как затягивается ссадина от первой.

– Не врать! – заорал на меня. – Встать!

Встала, вытирая рукавом лицо. Кровь его заинтересовала. Наставник протянул руку, схватил меня за разбитую скулу, поворачивая лицо так, чтобы ему удобнее было разглядеть. Я молчала, сжимая зубы.

– Продолжим, – сказал он, но тут разнесся приятный женский голос:

– Пять циклид до старта. Членам экипажа подготовиться к выходу в надпространство. Займите свои места и пристегните ремни.

Ничего из вышеперечисленного мне сделать не удалось, потому что Наставник, отпустив мое лицо, вернулся к допросу.

– Откуда у тебя браслет?

– Нашла два дня назад. Кто вы такие? Что вам от меня надо?

– Не догадываешься?! Где твоя мать? – рявкнул он.

– У меня нет матери. Она умерла, когда я была маленькой.

– Не-ет, – протянул мужчина. – Твоя мать – Ийлин Тан-

нис! Я сразу узнал тебя, когда увидел на корабле. Почему ты включила передатчик? Кому подала сигнал? Когда должен прибыть челнок?

Он вновь ударил меня, потому что я промолчала. Ни на один из этих вопросов у меня не было ответа.

– Меня вырастил отец. Я ничего не слышала о своей матери! – поднявшись с кровати после очередного удара, крикнула ему в лицо. – Я понятия не имею, кто вы! Я вообще ничего не знаю! Меня зовут Маша Громова. Моя мать умерла. Мой отец умер. Моя бабушка умерла. Мой дед умер. Идите вы в... – сказала куда, – потому что я тоже хочу умереть! Еще раз ударишь меня, я сломаю тебе руку. Это так же больно, как когда бьют по лицу!

– Четыре с половиной циклиды до старта, – доложил женский голос. – Запуск дополнительных реакторов произведен.

– Я тебе верю! – неожиданно произнес черный комбинезон. – В духе Ийлин – спрятать своего ребенка на дикой планете, думая, что не смогу до него добраться. Но она ошиблась, моя маленькая инори!

Он протянул руку, вновь коснулся моего лица. У меня там что, медом намазано?

– Твоя мать – преступница. Она приговорена к смерти, но бежала от правосудия. Ее вина настолько тяжела, что, по законам Империи, ложится на три поколения. Тебя казнят, Маша Громова, – произнес он ровным голосом, будто... будто сообщил, что мне пришло письмо, – за то, что совершила

анора Ийлин Таннис.

Обошел вокруг меня. Осматривал, словно прикидывая, как лучше убить.

– Знаешь, как казнят в тюрьмах рагханов? – чужой палец коснулся моей головы. – Выстрелом в затылок. Тебя поставят на колени и зачитают обвинение. Затем палач нажмет спуск, и ты отправишься к своим богам.

– Что она сделала... такого? – облизнув губы, спросила я.

– Измена, – ответил он. – Она изменила... не только мне, инори! Твоя мать предала Империю. Она – в «Свободных Звездах», которые, моя маленькая инори, запрещены законом. Каждый, кто примкнул к сопротивлению, надлежит уничтожению. Инакомыслие – это зараза, смертельная болезнь, которую мы искореняем, убивая разносчиков. Затем – карантин. Зачистка тех, кто им близок, кто с ними одной крови. Только так можно остановить эпидемию.

И тут... я поняла! Поняла! Картинка сложилась. Мать знала, что мне грозить смерть, поэтому оставила на далекой планете, попросив отца... Если, конечно, он – мой отец! Ладно, допустим, попросила отца, чтобы тот подготовил меня. Она знала, что за мной придут. Кто? Когда? Быть может, меня должно было забрать сопротивление, а подобрал крейсер рагханов с... этими на борту?!

– Но ты можешь остаться в живых, – продолжал Гахри. – Если будешь делать то, что я прикажу.

– Что ты прикажешь?

– Ты будешь работать на меня. Против них. Твоя мать бросила тебя в младенчестве, словно ненужную вещь, но Император будет добр к тебе, если верно послужишь ему. Этим ты сможешь искупить вину своей семьи. И я тоже... буду добр к тебе!

– Вы хотите, чтобы я стала вашим агентом? Шпионом?

– Не только, моя маленькая инори! Ты станешь моей рагхнари, – произнес он, и... я не смогла это перевести.

Кинула на Гахри удивленный взгляд. Поймала в ответ... вовсе не удивленный. Я много раз встречалась с подобными. После них мужчины переходили к действиям. Вернее, начинали распускать руки.

– Сколько тебе лет?

– Я не понимаю в ваших циклидах...

– Возраст по счету твоей планеты?

– Девятнадцать, – сказала ему.

Отец не был уверен, когда я родилась, поэтому мы с бабушкой просто выбрали дату. В середине февраля. Мне так захотелось.

– Тебе почти десять циклов, и скоро ты вступишь в совершеннолетие, маленькая аранка, – произнес Наставник, видимо, пересчитав мои годы на привычную для него систему времяисчисления. – Когда оно придет – то, что до сих пор спало в тебе, спрятанное вашими богами, проснется. Наступит черед взрослым желаниям и страстям. Я стану тем, кто поведет тебя по этому пути. У тебя ведь не было мужчин?

– Не твое дело! – заорала на него, потому что он коснулся шва моего комбинезона. Положил руку на плечо, повел по соединению, начав от воротника у ключицы. Ткань угодливо расходилась, послушная движению его пальца. Это была особенность местной одежды, которую оказалось не только легко надеть, но и так же легко снять. – Руку убери, а то сломаю. Я тебя предупредила!

Послушался. Я торопливо соединяла шов, думая... Если решит взять силой – ему не жить, и плевать, что меня пристрелят! Словно прочитав мысли, Гахри усмехнулся мне в лицо.

– Не было, – удовлетворенно произнес он. – Поэтому ты дашь мне то, что задолжала твоя мать.

Он был прав. Прав! Я... я даже не целовалась ни с кем, потому что мужчины вызывали глухое отторжение, словно я – не женщина вовсе, а биоробот какой-то, с первичными половыми признаками. Неужели это особенность другой расы, чья кровь текла в моих венах?

– Три циклиды до старта, – напомнил вежливый женский голос.

– У тебя будет время подумать, инори! Ты согласишься или умрешь. Знай, твоей генетической карты крови хватит, чтобы подтвердить родство с Ийлин Таннис. И для того, чтобы суд вынес смертный приговор.

Он замолчал, затем добавил:

– Я заберу тебя с собой на Рагху. В моем доме к тебе будут

относиться с уважением, несмотря на то, что ты – аранка. Я даже дождусь твоего совершеннолетия, инори! И вот тогда ты больше не будешь спать одна.

Если он собирался сделать свое предложение более привлекательным – у него не получилось. Наверное, я изменилась в лице, услышав про «спать не одна», потому что он dobавил:

– Попробуешь сбежать – казню лично.

Прежде чем уйти, Гахри нажал на углубление в стене, и оттуда выехало раздвижное кресло с двумя ремнями безопасности.

– Сядь и пристегнись, а то в момент выхода из надпространства тебя размажет по стене. Исполняй!

Забрав охрану, он покинул каюту. Дверь закрылась, и я осталась один на один со своими мыслями. Моя мать жива! Жива! Она вовсе не бросила меня, а прятала от Наставника Гахри, который, кажется, был к ней равнодушен. Что делать с этим знанием?

Не двигаясь, прислушивалась к нарастающему гулу двигателей, словно крейсер выходил на предел мощности. Вскоре объявили, что до выхода в надпространство осталась одна циклида. Я не собиралась исполнять приказ Гахри и пересаживаться в кресло. Решила, пусть лучше размажет по стене, потому что не думала соглашаться на его предложение.

Глава 5

Я лежала на выдвижной кровати, похожей на мягкую, обитую дерматином полку в поезде, и рассматривала белый потолок со встроенными узкими длинными светильниками. Спинай чувствовала, как нарастает вибрация, пронимает до костей, отзываясь гулким стуком в груди, мешая думать о словах Гахри. Правда, ничего хорошего рагханине сказал. Радужное будущее меня не ждало, но в своем решении яне сомневалась. Шел бы он со своим предложением... неизвестной звездной тропой!

Поморщилась. От усилившейся вибрации стучали друг о друга не только зубы, но и мысли. До сегодняшнего дня я свято верила, что у любой ситуации есть решение, но сейчас его попросту не было. Сбежать с крейсера не дадут, работать на Гахри я не собиралась. Оставалось убиться о стену при выходе из надпространства. Или при входе, тут уж как получится...

Замечталась на секунду. Вот бы заснуть и проснуться уже дома! И пусть все это мне привиделось: и крейсер с инопланетянами, и бритоголовый Наставник, и длинные коридоры, по которым бегалас оружием в руках. Я бы многое отдала, чтобы очнуться в старой своей спальне на скрипучей кровати под стеганым одеялом, которое бы накинула на меня заботливая Анна. Оставить окно открытым – ну и пусть хо-

лодно! — и дожидаться, когда в него по старой памяти запрыгнет Дымок. Либо в общежитии филфака, в своей комнате, которую делила с двумя девочками из потока. Убогое жилище казалось сказочным раем по сравнению с каютой два на два на «Восходе Арана», а Марь Петровна — цербер женского пола с проходной общежития — венцом человеколюбия.

Нет, такими подарками судьба вряд ли побалуует! Усмехнувшись про себя, решила, что убиваться не стану. В семье никто не страдал склонностью к самоубийству, а вот умереть при попытке к бегству — это мы запросто! Подумав, что пусть лучше пристрелят, чем соскребут со стены, пересела в кресло, не забыв пристегнуть ремни. Едва успела сунуть их в незнакомую конструкцию, отыскав нечто похожее на свободные пазухи, как...

Вибрация пропала, и шум двигателей смолк. Затем — толчок. Вернее, рывок страшной силы. Сразу за ним — оглушительный взрыв. Такой, что, казалось, рядом родилась Сверхновая. Я задохнулась от неожиданности, зажмурилась, ожидая боли. Вместо нее — вспышка, яркая, оголяющая нервы, по которым током побежала странная легкость, наполняя тело светом, несущим наслаждение, не испытанное доселе. Это... это было великолепно! Мне казалось, что я умерла, и тут же возродилась вновь. Восстала из мертвых, обновленная, состоящая из триллионов светящихся частиц, связанных между собой лишь велением разума.

Мысли я собирала долго, да и чувство восторга понемногу

спадало, уступая место здравому смыслу. Что со мной происходит? Неужели все-таки убилаь о стену и попала в рай?! Открыла глаза, не зная, что меня ждет. К удивлению, ожидал ровный белый пластик той самой каюты, усеянный мелкими пылинками. Я их видела, все-все, до единой! Видела... Зрение обострилось до предела. Свет лился их встроенных ламп, и мне казалось, что я различала даже частицы, крошечные сгустки энергии, из которых он состоял. Повернула голову. Каждое движение давалось с трудом, словно я оказалась под толщей вод и тщетно пыталась выплыть наружу.

Странно все это! Мельком взглянула на свои руки и застыла. Мне показалось, что я, словно рентгеновским зрением, вижу себя насквозь. Могла заглянуть под кожу, сквозь мышцы, различить кровь, текущую по венам. Нет, вру! Кровь не текла. Замерла, остановилась. Мне стало жутко, когда я поняла, что не дышу. Вернее, могла вдохнуть, но мне этого больше не хотелось. Не было нужды. Сердце тоже не билось, напрасно щупала пульс.

Пока размышляла, пытаясь найти логическое объяснение произошедшему, корабль вновь завибрировал, затрясся, словно у него случился припадок пляски Святого Витта. Вновь рывок. Ремни впились в плечи, не давая улететь головой вперед и размазаться о стену напротив. Прав был Гахри!

Я задышала. В груди забилось, застучало сердце. Сумасшедше быстро, словно у меня аритмия. Я чувствовала, как по венам вновь потекла кровь. Хорошо-то как! Открыла гла-

за, привыкая к обычному свету, вспыхнувшему ярко, до рези, до боли. Женский голос, который слышала многократно – он говорил со мной с мониторов, сопровождая в забеге по коридорам, и отсчитывал циклиды до старта – тоже вышел из спячки:

– Капитан приветствует экипаж крейсера «Восток Арана»! Корабль совершил выход в отсчетной точке системы Рагхи.

Я отстегнулась, чувствуя странную гордость за то, что произошло. Словно сама вывела корабль черт знает где в системе Рагхи. Правда, позитивные чувства канули в черную дыру, потому что пришел Гахри. За ответом. Так быстро?!

– Зачем ждать? – спросил он, вновь протягивая руки к моему лицу. Я отшатнулась. – Тебе некуда деваться, моя маленькая инори.

Промолчала, решив, что Гахри прав. Мне некуда деваться, крейсера, а вот он... Шел бы он! Не пошел. Обзавелся стулом. Два бритоголовых черными истуканами застыли у дверей. Наставник никуда не спешил. Долгие циклиды, которые, казалось, стремились к бесконечности, рагханин не отходил от меня. Подозреваю, в его понимании это был допрос. Он орал, бил, изрыгал проклятия. Менял тактику – уговаривал, увещевал, обещал. Изматывал профессионально, со знанием дела.

Вскоре я его окончательно возненавидела. Мечтала перерезать горло как раз в том месте, где заканчивался черный

воротник формы аторов. Сделать это не получалось. Молчать тоже не стала. Я решила рассказать все, что знала. Может, отвяжется?! Заговорила о детстве и своей семье. О друзьях, учебе, интересах. О жизни в лесу в большом доме недалеко от Малаховки. О том, как отец с дедом тренировали меня, потому что всегда хотели мальчишка, а получили меня.

– Забудь! – приказал Гахри. – Человек, который тебя вырастил – никто. Он – не твой отец. Я видел результаты анализов. Ты – чистокровная аранка.

Моих сжатых зубов и едва сдерживаемых слез ему оказалось мало. Мало! Он хотел меня всю. Целиком. Без остатка. Завладеть душой и телом. Все, что мне надо было, – сказать «да». Поддаться, принять предложение. И вот тогда, он обещал, вот тогда все закончится.

Я ответила «нет», и еще – «пошел ты!». Затем замолчала. Хотелось есть, спать и – чтобы Гахри сдох. Но крестная фея запаздывала, ни одно из желаний не исполнялось. Я знала, что меня казнят, и мечтала, чтобы поскорее все закончилось.

Он все же полез ко мне, не удержав в узде похоть. Я, как и обещала, сломала ему руку. Зря не поверил! Задыхаясь от ярости, прижимая к груди поврежденную конечность, рагханин пообещал, что сгноит меня в имперской тюрьме. Затем ушел. Наверное, в медотсек, чтобы заботливый анор Кассиди оказал ему срочную медицинскую помощь. Я же познакомилась с черными ботинками на стальной подошве его помощников. Больно!

Затем меня пристегнули аналогом местных наручников к полке, служившей до этого кроватью. Дали пить. Вернее, плеснули в лицо, приказав смыть кровь. Вскоре в знакомом пейзаже каюты с отличавшейся крайней лаконичностью обстановкой появился новый персонаж. В дверь вошел темно-волосый синеглазый мужчина в черной форме аторов. Уставился на меня. Я подумала – очередной желающий бить и издеваться. Здоровый такой, мускулистый... Скорее всего, знает верное средство, чтобы я выложила то, чего не знаю, и приняла предложение Гахри. Решила, что это еще один из рагханов, но вскоре поняла, что ошиблась. Смуглый красавчик определенно не был их роду и племени.

– Астоа, отключить камеры! – приказал мужчина после того, как тюремщики вышли за дверь. Правда, перед этим они искреннесоветовали атору не оставаться со мной наедине. Ага, потому что я – буйная!

– Атор Тайлан Дабар, – представился он, – капитан этого корабля. А вот кто ты такая, инори? – спросил он у меня.

– Меня зовут Маша Громова, – ответила ему безжизненным голосом. Затем принялась за текст, которым до этого многократно развлекала Наставника Гахри. – Я ничего не знаю. Я ничего не помню. Я ничего не видела. Я ничего не хочу.

Он уставился на меня немигающим взглядом синих глаз.

– Если хочешь жить, тебе придется мне доверять.

Усмехнулась про себя. Отец говорил, что верить можно

только своей семье. От семьи ничего не осталось, следовательно, в ходу у нас волчий закон.

– Я постараюсь защитить тебя, если ответишь на мои вопросы, – продолжал капитан. – И в будущем продолжишь в том же духе.

Видимо, он еще не знал, что у меня нет будущего.

– Что хотел от тебя Гахри?

Пожала плечами. Неужели этот... атор капитан и в самом деле не знает? Либо ему не доверяют, либо не состоит в лагере рагханов. Ну раз так, терять мне нечего!

– Чтобы я сдала разведке свою мать. И еще чтобы стала его рагхнари. Ни одно, ни второе не сбылось. Я не знаю, где моя мать, потому что никогда ее не видела. Я не знаю, кто такая рагхнари, но догадываюсь. Исполнять чьи либо эротические фантазии – не мой профиль.

– Он хочет, чтобы ты стала его любовницей, – произнес капитан. – Любовницей, детей от которой признают законными. Инори... По мнению рагханов, это честь для любой женщины другой расы.

– Сомнительная честь, – усмехнулась в ответ. – Я не воспользуюсь столь щедрым предложением.

Капитан подвинулся ближе. Поморщился, увидев, что моя рука пристегнула к кровати. Заглянул мне в лицо, хотя я старательно закрывала распущенными волосами разбитую скулу. Кровь из губы портила и так нетоварный вид. Вытерла ее рукавом. Гадство какое! Атор потянулся, чтобы ощупать

разбитую скулу. Как они мне надоели! Не нужна мне его жалость! Отшатнулась, когда предупредила, что если не уберет руки, то кораблем будет управлять автопилот.

– Он сказал, в чем вина твоей матери?

– Да. Она в сопротивлении, которое у вас называется «Свободные Звезды».

Честно ответила, как он и хотел. Усмехнулась, увидев, как дернулось красивое лицо капитана. Мимолетное, почти незаметное движение... Неужели испугался?!

– На полете к Рагхе тебя будут судить, – произнес атор Дабар после длительной паузы. – Гахри не собирается затягивать. Если твоя мать – военная преступница, шансы на оправдание ничтожно малы. Вернее, их нет.

– Да вы что?! – картинно удивилась я. – Как же удачно меня выкрали с родной планеты! До этого прожила почти двадцать лет и ни сном, ни духом о «Свободных Звездах» и рагханах! Теперь – суд, а потом – насколько понимаю, в расход?! За что? За то, что я не совершала?

– Инори... – капитан почему-то выглядел виноватым. Сжимал и разжимал здоровенные кулаки, словно сам приложил руку к моему похищению с зимней дороги. – По результатам генетических анализов, ты – чистокровная аранка. Аран, моя родина, в составе Империи. Ты автоматически становишься гражданкой, несмотря на то, что выросла не на колонизированной планете. Следовательно, придется ответить за содеянное прямым родственником по законам раг-

ханов. Даже если ты никогда не слышалани о них, ни о своей матери. Я знаю лишь один способ защитить тебя. Скажи, что ты чувствовала, когда корабль вошел в надпространство?

Пожала плечами. Надпространство? Наверное, то странное состояние, когда я сидела ни жива, ни мертва.

– Мне показалось, что я умерла, но при этом открыла глаза, и...словно очутилась под водой. Я видела все до мельчайшей частицы – свет, предметы, даже, кажется, свои мысли!

Невероятное ощущение! Капитан со мной согласился.

–Ты осознаешь себя в надпространстве, – произнес довольным тоном. – Значит, ты – носительница Изначального Гена. Такая же, как и я. Такая же, как и другие, кто водит корабли рагханов между планетами в Империи. Уникальная способность, которой обладают лишь чистокровные аране.

Я смотрела на капитана и не понимала, о чем он говорит. Изначальный Ген, корабли, надпространство...

– Носителей с каждым циклом становится все меньше, кораблей – все больше, – продолжал он. – Таких, как ты, не хватает в Империи. Надеюсь, эта способность поможет защитить тебя от сомнительного правосудия рагханов. Я постараюсь, инори Маша, но ничего не могу обещать.

Он встал и, коротко поклонившись, ушел. Дверь закрылась, затем открылась вновь, пропуская бритоголовых. Кажется, с меня решили не спускать глаз в буквальном смысле этого слова. Да и пусть смотрят!

Вытянулись на кровати, кое-как пристроила руку, скован-

ную браслетом, который магнитился к железному краю. Закрыла глаза, зевнула. Спать не получалось аж с тридцать первого декабря две тысячи тринадцатого года. Два выстрела из парализатора, что отправили в глубокую кому на пару циклов, не в счет.

Так и лежала, размышляя о словах капитана, думая о капитане. Проваливаясь в сон, чувствовала, как затягивается разбитая скула исходят синяки. Жаль, конечно, что атор Дабар увидел меня в столь неприглядном состоянии. Видок, подозреваю, еще тот!

Усмехнулась про себя. Нет, разве я не дура?! Наверное, Наставник Гахри со своими головорезами окончательно отшибли мне мозги. Капитан мне понравился. Ему хотелось доверять, а еще... Нет, не собираюсь влюбляться первый раз в жизни как раз накануне смерти!

Вместо этого засобиралась поспать, но опять не дали. Дверь с шипением въехала в стену – ненавижу этот звук! – и в камеру вошел Гахри. А уж этот персонаж вызывал у меня чувства совсем нехристианские! Ничего не объясняя, пинками согнал с кровати. Далее мне сцепили руки за спиной и повели по длинным коридорам. Аторы и аноры шарахались от нашей процессии, словно от группы прокаженных. Не хватало лишь капюшонов и колокольчиков, чтобы предупредить о своем приближении...

Мы поднялись на несколько этажей, пока, наконец, не вошли в огромный зал. Огляделась на секунду. Наверное, кон-

ференции здесь проводят или поют хором. А еще, может, молятся своим богам. Кто знает? Чужие расы – для меня потемки, но я догадалась, что здесь состоится обещанный Гахри суд.

Мы шли по проходу между рядами кресел к огромному монитору, похожему на экран в кинозале. Подмигнув, тот выдал объемную картинку еще более внушительного зала. Я застыла. Изображение создавало иллюзию полного присутствия, словно полупустой зал крейсера перетекал в не менее обезлюженный по ту сторону экрана. На возвышении, похожем на трибуну, затянутую темно-красной тряпкой с изображением планеты на звездном небе, восседал полный бритоголовый рагханин в золотой мантии. Чуть позади – еще двое, в одежде серых цветов. Видимо, секретари или присяжные. Явно не рагхане – мужчины средних лет с одутловатыми лицами, большими головами и с глазами навывкате старательно сдерживали зевоту. Один не сдержал...

Толчок в спину – зевать и смотреть по сторонам мне не дали, и я проследовала под светлые очи местного правосудия. Вернее, очи-то были темные, как у встреченных до этого рагханов. Бритоголовый взглянул на меня с возвышения, словно на козявку, которую следует раздавить, чтобы поменьше жужжала.

Села в первом ряду конференц-зала под бдительным надзором «черных», получив на это милостивый кивок вышестоящего. Вернее, вышесидящего. Тут же по низу экрана по-

бежала надпись. Черные буквы и цифры замелькали перед моими усталыми глазами так быстро, что я едва успевала вникать в суть увиденного. Заседание номер такое-то – длинный набор цифр. Дело такое-то, ведет почетный судья десятого округа адор Рах.

Ну что же, судья Рах, так судья Рах!

Опустила голову, позволив грязным волосам упасть на лицо, отгородившись от лика местного правосудия. Оглядела полупустой зал «Востока Арана». Кроме рагханов-охранников и Гахри, замершего, словно черный паук в углу зала, присутствовало еще двое. Анор Кассиди бросал на меня жалостливые взгляды. Порывался что-то сказать, но сник под грозным взором Наставника. В третьем ряду сидела женщина средних лет в черном комбинезоне. Вот, собственно говоря, и все. Интересно, где мой защитник?! Сбежал, осознав безнадежность мероприятия?

– Начнем, – откашлялся судья Рах. – Пусть Темные Боги будут на нашей стороне!

Подозреваю, прозвучало стандартное приветствие, потому что присутствующие в зале ответили дружно: «Да будет так!». Зевнула. Ну, как скажете...

– Судебное разбирательство за номером три тысячи пятисот четыре от третьей циклинии двухсотого месяца пятнадцатого цикла века Плодородия, – начал один из секретарей.

– Подсудимая, встать! – приказал судья.

Усмехнулась, потому что вставать не собиралась. Да по-

шли они! И так ясно, чем все закончится. Но и сидеть будущей жертве имперского правосудия не дали. Побудительный удар дулом в спину – ладно, постою, раз вам так хочется!

– Чип с личным кодом отсутствует, место рождения – неизвестно. Место последнего проживания, – заунывным голосом бубнил секретарь, – планета У-Р312А ...

Я рассматривала судью. Интересно, женщины рагханов тоже бреют волосы на голове? Или у них они от природы не растут? Или этот эффект достигается путем лазерной эпиляции? Судья Рах походил на лысую толстую жабу. Косился на меня без особого интереса, перебирал кольца, что в изобилии унизывали его пальцы. Ясно, судье скучно. Мне тоже не сказать что весело.

Прежде, чем секретарь выговорил до конца безликий номер Земли в реестре рагханов, дверь распахнулась, и в зал вошел атор капитан. Чекая шаг, двинулся к экрану. Улыбнулся, встретившись со мной взглядом. Подаренная улыбка проложила дорожку по извилистому лабиринту моей психики, полной тараканов и прочей живности, напрямик к сердцу. Оно оживленно застучало, и я робко улыбнулась в ответ.

– Всем добрых циклиний, и чтобы Темные боги были благосклонны! Приветствую судью Раха на своем корабле. Атор Тайлан Дабар, личный код 2345-УА, – представился капитан.

– Вы желаете присутствовать на судебном разбирательстве, атор Дабар? – поинтересовался судья, выныривая из

пучины скуки и безразличия.

– Я желаю защищать права этой инори.

Судья поморщился, словно ему в чай только что плеснули мышьяк. Анор Кассиди не сдержал возгласа удивления. Черный тарантул– Наставник Гахри – заволновался.

– Номер вашей лицензии, капитан! –потребовал судья Рах.

Атор Дабар назвал длинную вереницу цифр.

– Не то, атор Дабар!– произнес судья Рах, взглянув на экран своего монитора после того, как секретарь ввел названные цифры.–Здесь я вижу лицензию на управление межзвездными кораблями трех высших классов и пяти подклассов... Не буду перечислять, как не относящееся к делу. Ваш послужной список, отзывы и рекомендации заслуживают уважение. Моего личного уважения! Несомненно, вы –один из лучших сыновей Империи, атор капитан, но при этом у вас нет права выступать в суде в качестве защитника.

– В Летной Школе я прослушал курс законов Империи...

– Отказано!– оборвал судья.

Капитан и не думал соглашаться.

– У меня есть право! – возразил он. – Уже были прецеденты, судья Рах, основанные на... Астоа, выведи на экран свод правил из третьей скрижали Гражданского Имперского Кодекса.

– Атор Тайлан Дабар, вы сомневаетесь в словах судьи высшего класса? – искренне удивился рагханин. –Указывать мне

всего лишь после годичного курса юриспруденции в Имперской Летной Школе? Даже если вы окончили ее с отличием, это не меняет дела! Или же вам не дорога ваша лицензия?

– Дорога, – отозвался капитан. – Но при этом мне дорога жизнь этой инори! Она – носитель Изначального Гена. Как чистокровная аранка и...

Я наострила уши. Кажется, это была единственная козырная карта в рукаве капитана. Хотя мне давно стало ясно, что шансову меня нет.

– Есть ли у нее Изначальный Ген или нет – ничего не значит! – рывкнул из своего угла Гахри. – Она унаследовала гены своей матери. Ийлин Таннис – преступница, а эта инори – ядовитый сорняк, который следует выполоть, пока он не погубил урожай.

Фыркнув, я уставилась на рагханина. Надо же, селекционер-любитель нашелся на мою голову!

– Тишина в зале! – приказал судья. – Вам отказано дважды, атор Тайлан Дабар. Не заставляйте меня повторять в третий раз. В противном случае ваша лицензия подвергнется пристальному вниманию со стороны Имперского Надзора.

Капитан промолчал. Я же уставилась на свои пальцы, рассматривая обломанный маникюр. Мне стало жаль атора Дабара. Кажется, из-за меня у него будут серьезные неприятности.

– Инори виновна, – устало произнес судья Рах. – Выведите данные генетического анализа на экран. Закончим уже! Тем-

ные Боги, шестьдесят второе разбирательство за эти сутки...

Если он хотел меня разжалобить – у него не получилось.

– Не злите меня больше, атор Дабар. Я знаком с вашим отцом и только из-за нашей дружбы прощаю ваше неуважение к Имперскому Суду. Вина этой инори не вызывает сомнения, несмотря на то, что она – носитель Изначального Гена. Все равны перед законами рагханов!

Я все же не сдержалась и захихикала.

– База данных Имперского Надзора. Высший код доступа. Поиск совпадения. Сравнение с генетической картой... – кашлянул секретарь, – подсудимой.

Результат не заставил себя ждать.

– Совпадение обнаружено, – произнес секретарь. – Прямое родство установлено. Отец...

– Вывести данные о матери! – оборвал его судья Рах.

Экран моргнул. Зал заседания исчез. Вместо него на меня смотрела женщина. Я задохнулась от удивления, потому что... Это была моя копия. Вернее, я – ее копия.

Женщина, точнее, молодая девушка, одетая в белый комбинезон аноров. Смуглое лицо, золотистые волосы, спадающие на плечи. Синие глаза, немного вздернутый нос, упрямые губы. Ийлин Таннис и Маша Громова. Найдите разницу... Ее попросту не было!

Дальше – бегущая строка. Я опять пропустила начало. С непривычки буквы медленно складывались в слова на чужом языке. Дата рождения Ийлин Таннис – набор цифр. Ме-

сто – Аран, город Райси. Родители – имена, затем короткая надпись: казнены. Дата приведения приговора в исполнение. Учеба – Имперская Летная Школа города Райси. Закончила с отличием. Лицензия. Место стажировки. Место работы...

Внизу – красными буквами – виновна по статье... Цифры. Осуждена. Бежала. В розыске. Подлежит немедленному уничтожению.

Надпись моргнула и исчезла. Я тоже... исчезла вместе с нею. И черт с ним, с этим судьей Рахом, который не замедлил появиться!

– Смертная казнь. Приговор вынесен, обжалованию не подлежит. Не подлежит, атор Дабар!– повторил судья, видимо, заметив, как дернулся капитан. – Приговор будет приведен в действие в центральной тюрьме Рагхи. Наставник Гахри...

– Да, судья Рах!

– Обеспечьте надзор и содержание приговоренной до тех пор, пока в космопорт прибует тюремный транспорт.

– Не сомневайтесь, судья Рах!– Гахри повернулся к черным верным псам:– Увести ее. Изолятор в третьем секторе. И пусть Темные Боги хранят Законы Империи!

Экран отключился, а я подумала, что вот, собственно говоря, и все. Если бы только знала, что все только начиналось!

Глава 6

Я ждала. Ждала, потому что у меня отняли все, и осталась лишь дорога, в конце которой зависла гильотина смертного приговора. Ждала, потому что хотела верить его словам – коротким и отрывистым, словно военный поклон аторов. Сказанные в присутствии тюремной охраны, когда меня со скованными браслетами руками выводили из крейсера, они разожгли во мне едва теплившиеся угольки надежды.

Помню, мы вышли через грузовой трюм в жаркий полдень столицы рагханов. «Рукава» пассажирского трапа, ведущие из крейсера в терминал космопорта, определенно были не для такой преступницы, как я. Вместо него меня ждал серо-желтый челнок, стоящий на той самой посадочной полосе, что и «Восток Арана». По сравнению с разведывательным крейсером тюремный транспорт казался мошкой перед внушительной громадой «слона». Я задрала голову, пытаюсь оценить его размеры, но получила побудительный тычок в спину от одного из троих унылых парней в защитных жилетах с аббревиатурой Центральной Тюрмы поверх солдатского типа униформы.

Пройдя несколько шагов, я опять остановилась. Бросила взгляд на хмурое небо Рагхи. Темные облака метались по небу, разорванные не только порывами ветра, но и реактивными выхлопами двигателей кораблей, заходящих на посадку.

ку. Очередной порыв принес запахи развитой инфраструктуры космопорта. Едко пахло химией и горячим пластиком, но были еще... непонятные, неизвестные мне запахи: машинных масел, горячего металла, щекотавшие легкие, напоминая о том, что я все еще жива. Я замерла, застыла на секунду, открыв рот, уставившись на невиданное зрелище. На секунду пожалела, что меня приговорили окончательно и бесповоротно, потому что это было так захватывающе-красиво!

Гигантское здание космопорта поражало воображение. Построенное в виде белоснежной дуги, оно убегало в небо, теряясь в облаках, затем, вынырнув, упиралось в землю где-то у самого горизонта. Космопорт походил на изогнутый ствол дерева с прозрачным желобом скоростных лифтов. Непростое такое «дерево», от которого шли гигантские отростки взлетно-посадочных полос, похожие на плоские листья-чаши. Некоторые – маленькие, некоторые – размером с футбольное поле, как тот, на который приземлился «Восток Арана». На этих чашах стояли, взлетали, садились, разгружались корабли всех мастей и размеров.

Деловито сновали небольшие корабли-диспечеры с включенными проблесковыми маячками, регулируя воздушное движение. На соседнюю полосу, расположенную чуть правее и ниже, со страшным ревом заходил на посадку вытянутый, словно расплющенная сигара, корабль. Мигнули посадочные огни, рыкнули двигатели. Тут один бок задрался, и нас чуть не сдуло потоком горячего воздуха. Я инстинктив-

но прикрыла глаза руками. Охранники дружно выругались, пожелав всем криворуким пилотам сохнуть от айсады.

И тут я решилась. Дернулась вбок, собиралась врезать ближнему охраннику локтем в живот, отнять оружие. Затем – кинуться в сторону, юркнуть в переплетение проводов, которые деловито тянули к кораблю человекообразные роботы. А уж потом, если удастся – туда, за край платформы, по которому сновали автопогрузчики, вытаскивая контейнеры с непонятным содержимым с крейсера, как... Я заметила его!

– Куда?! – рявкнул один из охраны.

Вздохнула. Уже никуда...

Остановилась, замерла. Капитан спешил к нам. Куда уж теперь сбегать, когда он захотел меня повидать. Интересно, что ему понадобилось? Неужели решил попрощаться? Гахри тоже приходил перед посадкой. Спросил, не изменила ли я решения. Был послан и ушел, надеюсь, в озвученном направлении.

Или же... Глупое сердце забилось быстрее. Может, капитан нашел способ, как меня освободить?

– Мне надо поговорить с инори. Одну циклиду, – сказал атор Дабар охране. – Да будут Темные Боги Рагхи благосклонны!

Я потупилась, уставившись на скованные браслетами руки. Охрана смиростивилась, но вместо того, чтобы заговорить, капитан молчал. Я же подняла голову и встретила с

ним взглядом. Смутилась, потерявшись в синеве его глаз. Ветер трепал его короткую прическу, но на лице мужчины не отражались никакие эмоции, а вот возле губ и на лбу залегли усталые морщины.

Вместо капитана заговорила женщина. Голос из динамиков, прерывающийся новыми порывами и заходящими на посадку кораблями, известил, что прибывших в космопорт Рагхи ждет стандартная проверка код-чипов у выходоиз терминалов. Затем шло сообщение о ношении личного оружия. На Рагхе были разрешены только парализаторы пятого и шестого класса и... Не дослушала, потому что капитан произнес:

– Я вызволю тебя. Обещаю!

Вот и все! Наверное, отведенная нам циклида истекла, потому что он опять поклонился. Развернулся и ушел, а я осталась ждать.

И я ждала... Ждала в тюремном транспортнике, который вел, подозреваю, пилот-смертник. Нас трясло и кидало безбожно, а уж о посадке что говорить! Кажется, мы попросту упали. В челноке я оказалась не одна, а в компании нескольких заключенных, отгороженная от экипажа и охраны полупрозрачной стеной, по которой пробежали голубые искры защитного поля.

По соседству со мной рыдали девушки в темных коротких платьях, прощались друг с другом. Интересно, что они натворили? На другой стороне, также пристегнутые к креслам,

сидели двое в странной, с блесками, одежде. Всклобоченные, мужчины выглядели как неудавшиеся шулеры или плохие циркачи, которых порядком помяла недовольная публика. «Эти – политические!» – один из них кивнул в нашу сторону. Затем наклонился к своему напарнику: «Странно, что их всех еще не расстреляли!».

Я уже уяснила, что быть «политической» в Империи рагханов означало смертный приговор. Но все еще ждала... Ждала, когда меня вели по коридорам Центральной Тюрьмы, смахивающей на город-крепость, омываемый морем охраны и синим океаном силовых полей.

Ждала в одиночной камере с видом на стену, на которой не было чем нацарапать собственное имя. Мои единственные «друзья» – камеры под потолком – следили за мной безразлично-внимательными взглядами. Охрана кинула желтую арестантскую робу, приказав засунуть свою одежду в утилизатор. Запястье правой руки сковали широким браслетом. На этом люди меня покинули, и я осталась один на один с собственными думами.

Кругами ходила по камере, но так и не вытоптала тропу в бесшовном металлическом покрытии, отмечающем мысли о подкопе. То ли из-за браслета, то ли по другой причине я не могла приблизиться к мерцающей стене, ведущей в коридор: не пускало, отталкивало едва заметное силовое поле. Я поняла, что из тюрьмы не сбежать, поэтому сидела, лежала, пыталась спать. Ждала... Отжималась, качала пресс.

Приседала, прыгала, отрабатывая удары, чувствуя себя волчицей-одиночкой в камере с выдвижной полкой и таким же выдвижным... мэ-э-э... тем, что здесь называли «утилизатором». Хорошо хоть не выла от тоски, и все потому, что у меня была надежда.

Атор Дабар был моим богом, в которого так хотелось верить. И я истово верила, что он придет и что меня не расстреляют.

По истечению долгих тридцати циклиний что-то изменилось. Меня первый раз нормально покормили. Да-да! В открывшуюся прорезь, единственное развлечение за тянувшиеся бесконечно третьи тюремные сутки, просунули уже не бурую бурду в пластиковой тарелке, а вполне приличную кашу с мясом. В комплекте к еде шло подобие ложки. До этого я ела руками, потому что столовых приборов мне не выдавали. Наверное, боялись, что заключенная номер два миллиона двести тридцать семь покончит с собой до того, как имперское правосудие упрется ей дулом в затылок.

В ту циклинию – пятую после пробуждения – обитатель тюрьмы развлекали регулярными сообщениями о том, сколько осталось до выключения света, а еще совместным молитвам Темным Богам Рагхи... Так вот, только я успела поесть, как за мной пришли. Я не знала, радоваться или... Сердце тревожно стучало, пока трое охранников вели меня по коридорам. Наконец, они привели меня... мыться! Да-да!

Один из мужчин, хохотнув, заявил, что я такая грязная,

что мне необходима полная дезинфекция. Как скажете! Разделась в небольшом помещении, служившем предбанником огромной пустой душевой. Затем шагнула в кабинку из прозрачного пластика с вкраплениями дырочек, из которых тут же полилась вода. Я подставляла голову под горячие струи, пила их жадно, словно ссохшаяся без дождя почва. Чуть не наглоталась горькой пены, неожиданно потекшей вместо воды, но услышала окрик охраны, пояснивший, что дезинфектор пить нельзя. Плевать, что за мной наблюдают через камеру под потолком! Это был полнейший восторг!

А вот дальше... Кажется, я победила в местном эротическом танце у шеста при полном его отсутствии. Вода выключилась, включилась сушка, вытянув с кожи и волос влагу без остатка. Покая нежилась в горячих потоках воздуха, пришли те самые, из охраны. Сбрасывая на ходу оружие и одежду, они, кажется, решили разделить радость обладания женщиной на троих.

Да, я все еще ждала капитана!..

Ждала, когда безжалостно ломала насильникам руки, носы и ребра. Они не ожидали такого отпора, а я не собиралась никого щадить, уверенная, что не первая такая, кого пытались принудить к сексу на жестком покрытии душевой. Ждала, когда подоспевшая охрана била меня, после того как по тюрьме разнесся привычный тревожный сигнал. Ждала, когда они волоком тащили меня по коридорам, до этого порядком отходив дубинками, добавив разрядами электрошокера.

Затем я валялась в камере, чувствуя, как затягиваются раны и заживают сломанные под ударами дубинки ребра. Через несколько циклиний за мной пришли. Вернее, ко мне пришли. Я забилась в угол, рассматривая вошедшую троицу. Ребра и голова еще болели, но я собиралась бороться за свою жизнь, потому что... Мне казалось – совсем немного, и капитан найдет способ меня вытащить. Или уже не найдет?!

Один из вошедших, пожилой, синеволосый, чем-то похожий на анора Кассиди, держал в руке странного вида пистолет. Я увидела, как блеснуло острое иглы. Неужели смертельная инъекция?!

– Не подходите! – предупредила их. Голос хриплый, как у курильщицы со стажом: мне заехали дубинкой по шее.

– Не дергайся, дура! Айсада, а не девка! – прокомментировал один из охранников, кивнув в мою сторону. – Трое в регенераторе, одного еле успели завернуть с дороги к Богам. Перелом позвоночника и...

– Они хотели меня изнасиловать, – огрызнулась в ответ.

Я никого не щадила. А они бы пощадили меня?!

– Кто подойдет первым, сдохнет первым! Регенератор не поможет, – предупредила того, кто был так похож на доктора, потому что он, как самый смелый, шагнул в мою сторону.

– Ты будешь жить, инори! – улыбнулся он. – Тебя выкупила корпорация «Галактика».

Я облизала пересохшие губы. Это что еще за корпорация?! Или же... Неужели капитан нашел способ вытащить

меня из тюрьмы?

– Здесь, – доктор, остановившись, поднял пистолет, – микрочип с твоим новым кодом и лекарство.

– Меня выпустят наружу? – я опешила.

Вспомнился голос женщины в космопорту. Если у меня будет чип и меня выкупили, то... Неужели вдохну воздух Ракхи?

– Теперь ты – собственность корпорации, и я не знаю о твоей дальнейшей судьбе. Но так как ты стоила приличную сумму, то... Думаю, на тебя определенные планы.

Я кивнула, кусая губы. Лучше так, чем... никак!

– По документам заключенная номер два миллионадвести тридцать семь только что казнена. Приговор приведен в исполнение, – доктор посмотрел на одного из охраны. Длинноносы́й жлоб, ухмыльнувшись, погладил оружие на поясном ремне.

Доктор взглянул мне в глаза, и я поняла, о чем он говорит.

– Вы сделаете мне укол, и...

– Нашел с кем возиться! – подал голос один из охранников. – У нас мало времени! Если бы не было уплотнено, я бы точно ее шлепнул!

– Заткнись! – оборвал его доктор. – Это не больно, девочка. Заснешь и проснешься через десять циклиний. Но вот где – этого я уже не знаю.

И я протянула руку.

Два укола – один в вену, второй – в ладонь. Болезненный.

Микрочип, пояснил доктор. На нем – моя новая личность, новая информация. Какая именно, доктор не знал. Я устала на маленькую ранку, чувствуя, как закружилась голова. Линии на ладони расплывались, переплетаясь в одну. Усмехнулась, вспомнив, старую гадалку в расписном платке и цветастом платье, что обещала долгую жизнь и три брака. Два коротких, словно звуки от револьверных выстрелов, а вот третий – счастливый, на всю жизнь. Меня это позабавило. Какая из меня жена?! Да и «казенного дома» на планете Рагхи цыганкане разглядела, как и корпорацию «Галактика».

Под негромкие разговоры и смешки охраны «может, все-таки пристрелим?» откинулась на полку. Закрыла глаза. С каждой долей циклиды, с каждым вздохом накатывала сонливость. Мне стало все равно, дождусь ли капитана и очнусь ли после укола. Я проваливалась в черную дыру безразличия. Наконец, она победила, поглотила, затем утащила в небытие и темноту.

Но – нет! Оказалось, В ней были цветные сны, и глотки свежего воздуха, и вжимающее в ложе ускорение взлета. Меня опять куда-то несли. Я попыталась проснуться, открыть глаза. Понять, наконец, где я нахожусь. Не смогла. Сон, цепкий противник, нападал вновь и вновь, пока не уволок в свое логово, где развлекал калейдоскопом картинок из прошлого, перемешанных с переживаниями настоящего. Чего только в них не было!

Следующий раз пыталась проснуться от вибрации, что

трепала мое тело, но так и не смогла разбудить окончательно. За ней – выход в надпространство, после чего я спала уже спокойнее. Снилось что-то яркое, хорошее, а когда пришла в себя, меня окружали голоса. Женские – визгливые, смешливые, ссорящиеся, спорящие. Это... Это – ни с чем несравнимое, великолепное ощущение! Неужели я – не в одиночной камере?! Ведь говорили... рядом и, кажется, обо мне!

– Глянь-ка, наша красotka пошевелилась. Ну ты и гораздо спать! – над головой раздался смешок. У говорящей был низкий, глубокий голос. А вот у защитницы – тонкий, почти детский голосок:

– Отстань от нее, Ма-Зани, и руки убери!

В этот момент я почувствовала толчок в бок. Захотелось встать и разораться, но не смогла пошевелиться. Тело все еще прибывало в глубоком анабиозе.

– Не все такие здоровенные баргхи, как ты! – продолжала девушка. – Кто знает, что ей вкололи? Реакция организма на эти лекарства непредсказуема. К тому же ей порядком досталось!

Кажется, вокруг меня назревал скандал.

– Как ты меня назвала? Бархой?! – заорала первая. – Ты, зеленая тварь?!

Ну и пусть все поругались, но видят Темные Боги Рагхи, как я рада этой перепалке!

Открыла глаза. Попыталась сесть, но не смогла. Голова кружилась, разноцветным хороводом мелькали белые стены

с расплывчатыми пятнами лиц. Наконец, дикий хоровод замедлился. Моя защитница права – неизвестно, что мне вкололи, но с каждой секундой становилось лучше. Я приходила в себя. Наконец, подтянула ноги, рывком села. Оглядела новую тюремную камеру. Да, именно так – это тоже была камера, но уже не одиночка, а просторная, с несколькими полками, на трех из которых лежали девушки. Еще две кровати пустовали. Вместо решеток – прозрачная стена с горящим защитным контуром.

Покачала головой, разгоняя остатки дурмана. К удивлению, горло не болело, так же как и ребра. Оказывается, пока я валялась в отключке, процесс регенерации в очередной раз взял верх над моим избитым телом.

Осмотрелась. Я сидела на кровати, одетая в синий обтягивающий комбинезон с россыпью звезд на груди и надписью: «Корпорация Галактика». Значит, не приснилось. Меня на самом деле выкупили, перенесли, переодели... К тому же я ощущала привычный, еще с крейсера, гул работающих двигателей. Летим! Но – куда?!

Пусть я проспала все на свете, но, надеюсь, соседки по камере знают!

Может, они и знали, но двум из них было явно не до меня. Чернокожая девица в похожем синем комбинезоне, метра под два ростом, с внушительными формами и красными волосами, заплетенными в короткие торчащие дреды, наступала на маленькую, худенькую девчушку. У той было бледное

лицо с острыми чертами лица, вздернутым носом и слишком большими по меркам Земли глазами. Черные выстриженные треугольником волосы спадали до лопаток. По неизвестной причуде половина прически оказалась выкрашенной в зеленый цвет. Девушка напомнила мне птичку. Угу, смелую и беззаботную, на которую надвигался чернокожий танк.

– Все, девочки, все! – сказала им. – Брейк! Я уже проснулась. Если у кого-то претензии, обращаться лично ко мне.

Девушки повернулись в мою сторону. Я заметила, что у худенькой половину виска занимало странное металлическое украшение в виде цветка. Моя защитница проскользнула мимо чернокожей, глаза которой сузились от гнева. Странно, и чем я не угодила?!

– Тебе бы умыться! – девушка с зелеными волосами подошла к моему ложу, улыбнулась. У нее оказались серьезные серые глаза и смешливый рот. – Ты вся в крови!

– Спасибо! – пробормотала в ответ.

Умыться?! Наверное, вон те кнопки в стене как раз возле... утилизатора выдвигают нечто, похожее на раковину. Хотя последние мое купание было так себе, на грани фола.

– Меня Ласси зовут, – представилась девушка. – Ласси Зеленая Птица. С планеты Истар.

Глава 7

Вилла третьего проконсула Арана. Планета Рагха, столица Рагха.

Высокий широкоплечий мужчина в черных одеждах замер у панорамного окна. Пусть седина уже тронула короткие черные волосы на висках, но морщины все еще обходили стороной его уверенное, волевое лицо. Поморщившись, проконсул Дабар приложил руку к сенсорному экрану. Легкое движение пальцами, и вид на водопад Гайзен, самый большой на Аране, сменился картинкой более отвечающей, по мнению проконсула Дабара, сложившейся ситуации.

Дворец Императора... Даже не дворец, а Твердынь. Город в городе, огромное хищное здание, чьи острые шпили терялись в облаках. Сердце Рагхи. Окруженное силовыми полями, охраняемое денно и ночно, оно было символом власти, силы и могущества Империи Рагханов. Империи, основанной на страхе, крови и терроре.

Проконсул пригубил из стакана и повернулся к стоящему посреди гостиной мужчине в черной форме атора. Еще глоток... Крепкий алкоголь из цикла в цикл успешно заглушал живущий внутри голос предков когда-то вольного, но давно уже покоренного народа. Пусть аранам даровано место в Имперском Круге Власти – аж целых три голоса! – но проконсул

Дабар знал, что это пустая формальность. Сенат – лишь мас-совка, учтиво выполняющая любое желание Императора.

Он давно понял и смирился с правилами игры, а вот его единственный сын... Тайлан еще не дорос. Пусть понял, но не смирился. Ох уж эта молодежь! Как же с ней тяжело, но без нее – жизнь не жизнь!

Проконсул только что вернулся с заседания Трех Кругов Власти и едва успел сменить мантию советника на повседневную одежду, когда узнал, что... Кто бы мог подумать! Тайлан терпеливо дожидался его появления в гостиной на втором этаже, негромко разговаривая с матерью.

Они не виделись почти цикл, и все из-за того, что расстались крайне недовольные друг другом. Айсан Дабар знал о прибытии на Рагху «Востока Арана», но после резких слов и обвинений, которые они в запале кидали друг другу, он и подумать не мог!..

Губы проконсула дрогнули, и он едва успел скрыть довольную улыбку. Оказалось, сын пришел просить о помощи.

– Почему же ты сразу не обратился ко мне? – с легким укором спросил он, рассматривая сына. Его точная копия, от матери – лишь цвет глаз...

– Прошу тебя, Айсан! – умоляющим тоном произнесла худенькая синеглазая женщина, замершая, застывшая в кресле. Несмотря на свои сорок циклов, жена проконсула все еще не растеряла былую красоту. – Не заводись! Наш сын наконец-таки пришел домой... Он просит твоей помощи. Что те-

бе еще надо? Не об этом ли ты мечтал долгие месяцы?!

Об этом... Тайлан, его тайная гордость, его радость, плоть от плоти, крови от крови, стоял посреди роскошной гостиной. Немного растерянный, не выспавшийся, с всклокоченными волосами. Пришел. Наконец-то!

– Отец, я пытался вызволить ее сам. Мне отказали. Две апелляции остались непринятыми. Ни один правозащитник не взялся за это дело.

– Сам! – усмехнувшись, повторил проконсул. – Странная вещь эта твоя самостоятельность.

Они поссорились именно из-за нее. Тайлан узнал, что отец способствовал продвижению по карьерной лестнице. Пришел домой с обвинениями, потребовав оставить его в покое. Затем, слово за слово, выяснилось, что у них слишком разные взгляды на положение дел в Империи.

– Я же не пытаюсь водить корабли и не лезу в дела, в которых я не смыслю! – поморщился проконсул, вспомнив о скандале.

– В тебе нет Изначального Гена, – устало парировал Тайлан. – В нашей семье он передается через поколение. Зато у нее он есть.

– Неужели в этом все дело? – усмехнулся проконсул.

– Я чувствую себя виноватым, – наконец, после долгого молчания, признался сын. – Обещал, но не смог ее защитить.

– А разве ты мог ее защитить? Был ли у тебя хоть один шанс? У тебя нет связей, сынок! У тебя ничего нет. Надо

было сразу идти ко мне, а не заниматься самодеятельностью. На Рагхе все решают деньги, власть и нужные знакомства.

– Айсан, прошу тебя! – раздался встревоженный голос жены. – Не надо начинать... Ты ведь так хотел этого примирения!

Проконсул сделал еще один глоток. Айли права, он хотел примирения. И он пойдет на все ради сына. И пусть этим «всем» стала «политическая» инори со странным именем Маша Громова...

– Я помогу тебе. Надеюсь, ты понимаешь, что эта инори была приговорена с первым ее вздохом, в первую циклиду своего рождения. Ее матери следовало прервать беременность, вместо этого она подарила дочери жизнь. Я постараюсь дать ей новую. Под другим именем, с другим личным чипом. Переговорю с одним из своих друзей... Но из-за этого придется пойти на некоторые уступки. Не мне одному, Тайлан!

– Я знал, своего ты не упustiшь. Что ты хочешь взамен?

– Взамен?! – усмехнулся проконсул. – Взамен я хочу, чтобы ты был счастлив. Не испортил ни мне, ни себе карьеру.

– Всего лишь набор слов, – поморщился Тайлан. – Договаривай! На каких условиях?

– Райни, дочь первого проконсула Зоргада. Девочке скоро исполнится десять циклов, и она вступает в период созревания. Вот мое условие.

– Об этом не может быть и речи!

– Именно об этом идет речь, Тайлан! Ты женишься на правильной инори из правильной семьи. Выкинешь странные мысли из головы и перестанешь подвергать себя и нас с матерью опасности. Только с этим условием я постараюсь помочь твоей... мятежнице.

Тайлан дернулся было что-то сказать. Замер напротив отца, сжимая и разжимая кулаки. Наконец, успокоился. Кивнул.

– Хорошо. Если такова цена ее свободы, я готов заплатить. Сделай все, что нужно. Даю тебе слово.

Он пошел к выходу, даже не протянув отцу на прощание руку. Но проконсул знал, что он победил. Через молодую жену, послушную воле своего отца, он сможет влиять на своего сына.

– Тайлан, мой мальчик! – воскликнула мать, поднимаясь с кресла, спеша навстречу сыну. – Ты ведь останешься на ужин?! Я так соскучилась по тебе. Весь последний цикл...

– Нет, – ответил он. – Прости, мама! У меня нет аппетита. Но я обещаю, мы встретимся, пока я буду на Рагхе.

Проконсул Дабар сделал еще один глоток. Затем еще и еще, пока не осушил стакан. Сын ушел, а он все еще смотрел на Дворец Императора.

Ничего, – сказал он себе. – Ничего! Тайлан побесится, побесится... и перебесится. Я все сделал правильно. Райни – хорошая девочка. Красивая. Правильная. К тому же с ее отцом у нас давно решено, что поженем детей.

А тут Темные Боги подкинули отличную возможность... Значит, пора действовать.

– Айли, выйди из комнаты! – повернулся он к плачущей жене. Поморщился. – Сейчас не до твоих истерик.

– Звонок по закрытому каналу, – приказал домашнему vizору, усаживаясь в рабочее кресло. Вспыхнуло, отгораживая его, силовое поле, защищающее выделенную линию от любопытных взглядов, чужих ушей, а также попыток проникновения. Дело предстояло щекотливое, но проконсул Дабар знал, что на Рагхе все покупается и продается.

Кроме одного.

Времени...

Они банально опоздали. Заключение два миллиона двести тридцать семь была казнена три циклинии назад, и даже звонок из Имперского Надзора не мог повернуть время вспять.

Тюремный корабль «Слава Империи». Система У-Р210А

Сути претензий Ма-Зани я так и не поняла, потому что истошно завопила сирена, после чего прозрачная стена, отделяющая камеру от коридора, исчезла. Правда, напоследок подмигнула нам голубеньким.

– Обед! – воскликнула Ласси, когда замолкли истерические звуки, а в ушах перестало звенеть. – Наконец-таки нас покормят! Хоть какое развлечение... Пойдем скорее! Нет,

сперва умойся.

Кажется, кто-то решил взять надо мной шефство, и я несколько этому не сопротивлялась. Поднялась на ноги и, почти не шатаясь, пошла к умывальнику. Ма-Зани, тут как тут, королевской походкой отправилась к выходу. Наши дороги пересеклись, и чернокожая постаралась задеть меня плечом. Я едва успела отшатнуться, и девушка бросила на меня уничижительный взгляд.

– Не мешайся под ногами! – приказала она.

Кажется, у меня на родине это называлось проблемой.

Я побрызгала в лицо водой, быстро завязала косы, пожалев, что нет резинок для волос. Они остались в рюкзачке. Интересно, какова его судьба? Наверное, бросили в утилизатор на «Востоке Арана». В нем были не только расческа и телефон, но и единственное красивое платье, которое купила на деньги, заработанные летом перед учебой. Почему-то стало обидно до жути, до слез.

Вновь плеснула в лицо водой, пытаюсь успокоиться. Ничего, прорвемся! А Гахри пусть подавится! У меня, кстати, жизнь налаживается. Перестали убивать и допрашивать, вместо этого собираются покормить. К тому же новая подруга терпеливо дожидается около выхода... Ласси подхватила меня под руку и повела к лестнице на первый этаж.

Рядом с нашей камерой находилось еще девять – я сосчитала. Если в нашей обитало пятеро заключенных, то выходило, что нас – пятьдесят.

Большой обеденный зал – металл и пластик, столики со стульями, чем-то напоминающие университетскую столовую, – оказался переполненным. Девушки – примерно столько, сколько и насчитала, все как на подбор стройные и милые, толкались у внушительных на вид аппаратов, чем-то напомнивших мне банкоматы. Ласси показала, где взять поднос и ложку, после чего мы пристроились в хвосте очереди. Естественно, под пристальным наблюдением вооруженной охраны – шестеро в зале и еще трое на втором этаже. С потолков и стен с упорством маньяков следили «глазки» камер. Меня это несколько не смущало. Порядки нарушать я не собиралась. Пробовала уже – не понравилось. Сбегать тоже не думала. Вернее, думала, но для начала хотела выяснить, где мы находимся и куда нас везут. Нет, сперва неплохо бы поесть...

Добралась до чуда техники – пищевой аппарат называется. Провела над дисплеем ладонью – Ласси показала, как именно, и в прорези в центре аппарата появилась пластиковая тарелка с вполне приличной порцией непонятно чего. Однородная серая масса пахла резко, вкусно, то ли овощами с мясом, то ли... Какая разница! Желудок потребовал съесть это сейчас и сразу, не отходя от... мэ-э... кассы, а то непонятно, дадут ли добавку. Сделав волевое усилие, я подошла ко второму автомату, из недр которого получила стакан с чем-то, по цвету напоминающим клубничный коктейль.

Наконец, двинулась за Ласси в поисках свободного сто-

лика. Сели. Новая подруга принялась ловко орудовать местным аналогом ложки. Я же повертела свою, после чего тоже взялась за еду. Вкусно! И плевать, что через три столика от нас сидела Ма-Зани со свитой икидала в мою сторону взгляды, не сказать что сильно дружелюбные. Ясно, на кого здесь указывает вектор силы...

Ладно, посчитаем! В ее свите шестеро. Две чернокожих, как Ма-Зани; четверо – коренастые, невысокие, темноволосые девушки. Наверное, с одной планеты. Я понадеялась, что это обычные подпевалы или подпевалочки, заглядывающие в рот лидеру. И еще на то, что драки не будет.

– Чем я ей не угодила? – спросила у Ласси, перестав косяться в сторону Ма-Зани. – Спала, пока все работали? Или лицом не вышла?

– Наоборот, – усмехнулась девушка. – Очень даже вышла. Ей ты сразу не понравилась!

Я растерялась. Странная какая-то причина!

– Ты ведь с планеты Аран? – спросила девушка.

Кивнула. Ну... образно выражаясь, да.

– Ваших женщин считают самыми красивыми во всей Империи.

Я вздохнула. Из-за приметной внешности у меня постоянно проблемы возникали – то в старших классах, то в университете. Потом – Гахри, а теперь вот Ма-Зани!

– Ну, допустим. И... что из этого?!

– Завидует, – закончив с едой на тарелке, Ласси отодви-

нула поднос. Взялась за коктейль. – Наверное, думает, тебе достанется лучший муж, чем ей.

Есть мне расхотелось. Какой, к черту, муж?! Неужели меня вытащили из тюрьмы вовсе не для работ на местных каменоломнях во славу Темных Богов, и даже не атор капитан, а... Черт!

– А... Куда нас везут?

– Не знаю название планеты, – девушка пожала плечами. – Попробуй, вкусно! Здесь сок из ягод мариссы. Говорят, полезен для кожи лица.

– Хорошо...Вернее, что уж тут хорошего! Зачем нас туда везут?!

– Ты проспала самое интересное! Мы теперь собственность корпорации «Галактика». Причем пожизненная, – продолжала девушка таким тоном, словно ее забавляло происходящее. – Здесь все политические. А еще мы казнены и дружно лежим на тюремном кладбище под табличками с порядковыми номерами. Наши старые чипы деактивированы, вместо них вкололи новые. Новая личность, новая жизнь...

Я потрогала место укола на ладони. Новый чип с новой жизнью жутко чесался.

– Корпорация «Галактика» дала нам шанс, превратив в своих рабов, – усмехнулась Ласси. – Мы будем делать то, что прикажут.

– Тогда к чему разговоры о мужьях, если будем делать то, что прикажут?!

– Нас везут на урановые разработки. Их построили несколько циклов назад. Там работают такие же как мы, политические.

– И что?

– Одни мужчины, – повторила она на распев. – Давно уже работают. А... дальше додумай сама!

– Считаешь, нас отдадут им в жены?!

– Да, – кивнула Ласси. Девушка допила коктейль из мариссы, покрутила в руках стакан. – Отдадут. В жены. Ну и еще работать, как без этого.

– Черт!

– У таких как ты есть шанс заполучить мужа получше. Вот Ма-Зани и психанула. Думаю, на тебя будет большой спрос.

– Черт! – повторила я.

– Кто такой «черт»? – поинтересовалась Ласси.

Махнула головой. Позже!

– А если я не соглашусь?

– Ты уже однажды не согласилась. По лицу видно! – усмехнулась девушка.

Я потеряла скулу и губу. Ну да, в последний раз порядком досталось.

– Ты об этом говоришь таким тоном, будто тебе все равно!

– Мне все равно, – безразлично отозвалась Ласси. – У меня отобрали все, ради чего стоило жить. Но я почему-то еще жива, – она пожала плечами.

Хотела ее расспросить, но, смутившись, промолчала. Ли-

цо Ласси, и так бледное, стало чуть ли не белым, под цвет пластика, будто из тела девушки за секунду выкачали кровь. А тут еще Ма-Зани!.. Поднялась из-за стола и, в окружении свиты, двинулась в нашу сторону.

– Тоже политическая, – прокомментировала Ласси, повернув голову. Не знаю как, но девушке удалось прийти в себя так же быстро, как и выйти. – Осуждена за измену Империи. Правда, изменила своему любовнику, судье высшей категории Махди. Переспала то ли с его садовником, то ли с охранником. Хвасталась, что на хозяйской постели. Но ее все равно упекли по политической статье.

Мне были глубоко безразличны чужие нравы, потому что... Кажется, сейчас мы будем разговоры разговаривать. И это в лучшем случае!

– Ласси, не вмешивайся, чтобы ни случилось!

Проблемы не заставили себя ждать. Я повернулась к Ма-Зани, прибывшей в составе своей честной компании. Их было семеро: трое чернокожих – здоровенных, фигуристых девиц с дредами по странной моде неизвестной мне планеты – и длинноволосая четверка, что казалась неуверенной не только в себе, но и в происходящем.

– В чем дело, дамы? – спросила у них. – Ошиблись столиком?

Дамы не ошиблись. Ма-Зани остановилась напротив, черное лицо презрительно скривилось. Бюст попытался выпасть из распахнутого на груди комбинезона, когда она резко на-

гнулась. Я дернула поднос в сторону на секунду раньше, чем Ма-Зани навалилась на стол. Уверена, собиралась надавить на край, чтобы тарелка с недоеденным обедом полетела мне в лицо. Эдакая милая шалость с ее стороны.

Не удалось. Ласси пискнула и отодвинулась со всем стулом, я же поднялась. Стояла и смотрела в черные глаза Ма-Зани, обрамленные длинными, словно наклеенными, ресницами. Спокойно выдержала ответный разъяренный взгляд, усмехнулась. Моя противница явно знала толк в давлении на нервы, но я ее совсем не боялась. Ни ее, ни заявления, что я – никто и на тюремном корабле правила устанавливает именно она. И если буду слушаться, то выживу.

Угу, один такой уже встречался. Несколько дней назад.

Послушала, покивала. Затем спросила:

– Ты не боишься наказания за порчу имущества корпорации «Галактика»?

Ма-Зани фыркнула.

– Видишь ли, я тоже не боюсь, – сказала ей. – Так что... шла бы ты, родная!

Сказала куда. Лучше уж разобраться здесь и сейчас, чем ждать, когда она всадит нож мне в спину в темном коридоре прииска!

Разборок не вышло. К нашему столу спешили, поигрывая дубинками, двое в черных касках, надвинутых на глаза, в синей форме «Галактики», улучшенной бронежилетами. Я поежилась. Воспоминания о нашей последней с ними встрече

было так себе... Особенно о встроенном электрошокере.

– Через десять циклиний в комнате общественных утилизаторов. Там нет камер, – негромко приказала мне чернокожая.

Я усмехнулась в ответ. Ну что же, глянем на общественные утилизаторы...

– Мы уже расходимся, уважаемый инор! – промурлыкала Ма-Зани, поворачиваясь к охране. Массивный бюст колыхнулся, словно рождественский пудинг. – Всего лишь дружеская беседа. Мы уже закончили.

Повернулась и ушла, прихватив оставшуюся свиту, четверо из которой, кстати, разбежались, не выдержав испытания приближающейся охраной.

– Ты ведь не пойдешь?! – растерянno спросила Ласси, когда я села на место и принялась за коктейль.

Говорят, ягоды мариссы полезны для лица... Кажется, мне опять по нему достанется. Причем, не от Ма-Зани, а от охраны, так как камеры там все же есть. Не верю, чтобы совсем без камер!.. То есть бить меня будут те, кто в черных касках, в этом я почти не сомневалась. Судя по тому, как разбежались четверо девиц, придут лишь трое чернокожих на одну меня. Расклад, подозреваю, совсем не в их пользу.

– Прошу тебя, Маша! Даже и не думай идти!

– Почему? – удивилась я. – Схожу, прогуляюсь. Мозг проветрю.

– Не надо! Не связывайся, наплюй. Пусть думает, что ты

испугалась. Нам-то лететь несколько циклид! Давно вышли из надпространства, значит...

Покачала головой. Заманчиво, конечно, промолчать, отсидеться. Сделать вид, что меня не касаются ни презрительные взгляды, ни явные оскорбления. Но я больше не собиралась изображать из себя серую мышку. Дальше уже некуда, да и не перед кем.

– Нет, Ласси! Я так больше не могу. Никому не позволю унижать меня и унижаться не стану.

Она замолчала на долю циклиды, затем вновь изменилась в лице.

– Ты такая же, как он! – воскликнула девушка. – Он... Он тоже так больше не смог! И... знаешь что?! Что из этого вышло?!

– Не знаю, – сказала ей, – но догадываюсь.

– Его больше нет. Казнили! А я... Я – здесь, сижу с тобой за столом! Пью коктейль из сока мариссы. Потом меня выдадут замуж за какого-нибудь мужлана. Меня, Ласси Зеленую Птицу, одну из лучших Парящих в Сети! Мы будем с ним на пару добывать уран. Думаешь, мне все равно?!

Покачала головой. Нет, я вовсе так не думала.

– Расскажи, – попросила я. – Он... был твоим мужем?!

Она дернула головой. Волосы – черные, зеленые – полезли в глаза. Я смотрела, как она поправляла прическу и как дрожали ее тонкие пальцы.

– Нет. Мы даже не встречались. Только... не смейся!

– Я и не думала.

– Мы договорились о встрече. Я прилетела с Истара к нему, на Рагху. Он ведь тоже истарец, но работал во Втором Корпусе Власти.

– Подожди, я ничего не понимаю! Но ты сказала... Ты ведь здесь из-за него! Значит, ты его...

Ласси кивнула.

– Как можно влюбиться в человека, если ни разу его не видела?

Она удивилась. Я видела, как широко-широко распахнулись серые глаза.

– Ма-а-аша, – протянула девушка, – мы – с планеты Истар. Мы – Парящие! Только не говори, что не знаешь, кто это такие!

Не сказала, но помотала головой.

– Боги.... Откуда ты взялась?! Как можно не знать о Парящих?!

– Я... Я выросла за пределами Империи. Долгая, глупая история, сейчас не до нее! Расскажи.

– Хорошо. Хорошо! Пусть будет так, но потом твоя очередь.

Я кивнула. Да пожалуйста! У нас много времени, раз уж суждено вместе добывать уран.

– У некоторых твоих соотечественников есть Изначальный Ген, – начала девушка, – у нас же свой Дар. В силу особенностей психики мы можем загружать собственное созна-

ние в Сеть.

Я удивилась. Очень. Девушка тем временем коснулась странного металлического цветка на виске:

– Через искар, вживленный в мозг, – пояснила она.

Тут я испытала трудности перевода. Этому слову не нашлось аналогов в русском языке. Может, она имела ввиду что-то вроде персонального роутера? Спрашивать не стала, потому что Ласси продолжала:

– Как только мы выходим в Сеть, наступает Парение. Это... Это не описать словами! Совершенно другой мир, в котором царит абсолютная свобода. Я бы осталась в нем навсегда, но... мы должны кормить тело, – усмехнулась она. – А наше тело живет по законам рагханов. В Парении тоже свои законы, но лучшие программисты и лучшие хакеры Империи – истарцы. В одном из Парений я и познакомилась с Дорсом. Дорс Черный Страж с моей планеты. Один из лучших...

– И вы...

– Да. Мы... – она покраснела. – Мы были вместе. Парили вместе. Хотели встретиться в реальном мире. Я даже нашла работу на Рагхе и прилетела к нему с Истара. Ты ведь знаешь, Истар – третья планета в системе Рагхи. Нет, не знаешь?! Ну да ладно!

– Вы встретились?

– Нет. Вместо этого мы расстались. Вернее, он захотел расстаться. Отказался от меня. Я думала, он меня бросил.

Нашел другую. А он... Он пытался взломать сервер Имперского Надзора. Десять ступеней защиты... Прошел восемь.

– О, Ласси!

– Если бы мы были вместе, то прошли бы все. Они взяли его, Маша! Имперские Гончие, что контролируют Парение. За циклиду до того, как за ним пришли, Дорс оставил послание в Сети. Для меня. Признался, что он – в «Свободных Звездах» и любит меня. Вот и все! Все!

– И ты?!

– Я пыталась жить без него. Парить без него. Долго пыталась, честное слово. Почти четверть цикла. Не смогла. Напоследок взломала военный сервер Корпуса Обороны Первого Круга Власти. Выпустила гулять в Сеть список планет, подлежащих насильственной колонизации.

Она замолчала. Я тоже. Какая тут Ма-Зани! Пусть пользуется общественными утилизаторами... по назначению.

– Звучит-то как! Насильственная колонизация... – пробормотала девушка. – Запланированное вторжение, вот что это! Меня вскоре нашли, потому что я не думала скрываться. Хотела, как он... Знаешь, мои родители умерли от айсады, когда я была маленькой. У меня остался только Дорс, но и его отобрала Империя. Казнила его. Я была на могиле. Видела табличку с его порядковым номером.

Она замолчала. Надолго.

– Ласси, а ты не думала, что его тоже могла выкупить... корпорация «Галактика»? Вдруг вы встретитесь на приис-

ке?!

– Не встретимся, – хмуро отозвалась она. – С чего Темным Богам проявить милость, после того как они отобрали у меня все?

В такие совпадения я тоже не верила, но очень хотелось. Очень сильно захотелось, чтобы у них совпало! Хотя шанс был настолько ничтожный, как... встретить на улицах Екатеринбурга ожившего мамонта.

– Даже если Боги Рагхи сведут нас вместе, я все равно его не узнаю, – усмехнулась девушка. – Потому что... Я не знаю, как он выглядит в реальности! Мы встречались лишь в Парении, а там... Там ты можешь стать кем угодно.

– Но если опять выйдешь в Сеть... – я взглянула на ее украшение.

– Я не смогу больше Парить. Искар сломан, – она беспомощно коснулась виска. – Я все еще чувствую Сеть, ее Поток, но не в состоянии в них нырнуть. Это... это мучительно, Маша! Как умирающий от жажды, который дополз до реки, но не может сделать ни глотка...

Я решительно подвинула стул и обняла ее за плечи.

– Не ходи к Ма-Зани, – попросила она, уткнувшись мне в воротник. – Прошу, оставь ее Темным Богам.

– Хорошо, – пробормотала я. – Черт с ней, с Ма-Зани!

Мы молчали. Сидели обнявшись. И тут я вспомнила.

– Послушай, тот список планет... Насильственная колонизация...

– Захват, – кивнула Ласси. – Вернее, запланированное вторжение.

– Планета У-Р312А... Ты не помнишь, была ли она в списке? Прости, что спрашиваю об этом сейчас.

– Она в списке, – девушка подняла на меня взгляд. – Ее захватят в ближайший цикл или два. Пусть информация разошлась по Сети, но... Все боятся. Никто не рискнет выступить против Империи! Даже слова сказать... Если только «Свободные Звезды», но их загнали в такое глубокое подполье, что их не найти. Я пыталась... Я, Ласси Зеленая Птица, одна из сильнейших Парящих на Истаре! – она усмехнулась. – Я не смогла их отыскать.

Глава 8

Отец всегда говорил, что любовь – это боль. Он ошибался. Боль – это массивный ошейник, плотно охватывающий шею. Металл и пластик, с встроенной в него зверь-машиной. Дышать я могла, но снять – об этом посоветовали забыть сразу же. Такая «игрушка» досталась каждой из прибывших на тюремном корабле. Главный Надзиратель, инор Кабас, массивный седовласый мужчина с нервным лицом маньяка, не замедлил познакомить нас, выстроившихся в длинную шеренгу, с воспитательным эффектом чудо-устройства. Эффект, признаюсь, превзошел все мои ожидания. Я догадывалась, что будет больно, но...

До этого был корабль и резкий, бьющий по барабанным перепонкам, звук сирены. Нас в мгновение ока разогнали по камерам. Пришла Ма-Зани, пыталась мне что-то сказать или доказать, но кровати въехали в стены и появились посадочные кресла. Грубый голос в динамиках потребовал, чтобы сию же долю циклиды расселись и пристегнулись. Вспомнив, как меня чуть не размазало о стену на «Востоке Арана», подчинилась.

– Отложим, – сказала чернокожая, и я пожала плечами в ответ. Ну, как скажете...

Посадка на неизвестную планету прошла так себе, на «троечку». Не знаю, как бы справился с задачей атор Дабар,

но капитану нашей посуды пришлось нелегко. Трясло нас немилосердно, кидало в стороны, ремни впивались в тело, словно мы садились в условиях даже не повышенной, а экстремально высокой турбулентности. Я видела, как, закрыв глаза, вжималась в кресло бледная Ласси. Слышала, как подвывала соседка, худенькая девушка с короткими синими волосами; как затянула траурную песнь Ма-Зани, которую тут же подхватили в соседних камерах.

Все же приземлились. Тряска закончилась, и со всех сторон неслись слова благодарности Богам. Думаю, они могли бы и проникнуться... Правда, до момента, как мы узнали, куда попали и что нас ждет. Но до этого еще было далеко.

Я сразу же отстегнула ремни, встала с кресла. После затяжной тряски казалось, что пол покачивается, словно мы находились на борту гигантского лайнера.

Нет, не лайнера... Но это выяснилось позже. Для начала нас провели по длинным коридорам, напомнившим мне разведывательный крейсер. Этажи сменялись этажами, переборками – переборками и дверями с дисплеями. Везде – надписи и указатели, предупреждающие и разъясняющие, в каком секторе мы находимся. Я насчитала целых три – красный, белый и желтый. Охрана предупредила нас, что вход в красный сектор запрещен, карается наказанием, болью или смертью – нужно подчеркнуть. Попасть в желтый сектор можно только вечерами после работы, по большим религиозным праздникам или же с личного разрешения Главного

Надзирателя.

Но пока что растерянные, непонимающие мы, растянувшись во внушительную вереницу, шли по коридору. Иногда встречались мужчины в такой же синей со звездами форме и с ошейниками. Обитатели металлических коридоров и трехцветных секторов нас сторонились, но провожали жадными, цепкими взглядами. Словно приценивались. Я поежилась, вспомнив слова Ласси о замужестве. Черт, надо же так попасть! Может, подруга ошиблась?!

Во время прививок поняла, что Ласси права. Права, черт побери!

«Убережет от беременности на два цикла», – пояснил вполне симпатичный доктор, на долю секунды прижав пульверизатор к моему запястью. Укол, и мне стало хорошо... Вернее, совсем нехорошо!

После медосмотра на шею надели, словно непослушной собаке, металлический ошейник, и мы предстали перед Главным Надзирателем. Правда, сначала, слышав приказ, выстроились в нестройную, волнующуюся, переговаривающуюся шеренгу в большом зале белого сектора. Разговоры затихли, как только открылась дверь, ведущая в красный сектор, откуда появились представители местной власти.

Инор Кабас прошелся вдоль шеренги. Короткие массивные ноги несли его грузное тело, жир нависал на широкий поясной ремень, среди арсенала которого я узнала знакомый парализатор. Инора сопровождали Первый, Второй и Третий

Надзиратели, все в белых формах и со знаками корпорации на груди.

Главный Надзиратель осматривал девушек, заглядывал в глаза, дотрагивался до волос, словно оценивал качество привезенного товара. Судя по выражению лица, товар был так себе, средненький, если не сказать, что залежалый. Около меня задержался чуть дольше, хмыкнул под нос. Нос у него был большой, внушительный. Глаза – черные, такие же и круги под ними, словно инор Кабас с удовольствием предавался излишкам праздной жизни, а они мстили ему исподтишка, оставляя следы на нервном лице – глубокие рвы морщин и красные прожилки на коже.

Я потупилась и уставилась на здоровенные ботинки инора. Он, еще раз хмыкнув, помял в плотных влажных руках мою косу и пошел дальше. Обойдя всю шеренгу, Надзиратель вернулся в центр зала и сказал Речь. Именно так, Речь с большой буквы.

Единственная планеты системы У-Р210А – полностью покрыта водой и непригодна для жизни. На ней нет ни единого клочка суши, которую благополучно затопило еще в доисторические времена. Зато под толщью Великого, вернее, единственного на планету океана находились богатые залежи урана. Настолько богатые, что корпорация «Галактика» построила на поверхности плавучий город, от которого сквозь толщу вод уходили якоря и воздушные туннели к находящимся на дне шахтах и заводу по добыче и переработке урана.

Все-таки уран, чтобы ему провалиться!

Рабочие руки требовались везде, – продолжал инор Кабас. В разведывательные группы, на бурение скважин, на трубопроводе, а также на производство, где урановая руда очищалась от примесей и превращалась в тонкую пудру химического концентрата. Еще – в пищевые блоки, и медотсеки, и... Много мест, куда требовались рабочие! Каждый получит распределение в соответствии с навыками и предыдущей работой, упомянутой в досье. Я заскучала. Чувствую, распределят меня в самое интересное место, раз уж досье отсутствовало... Хотя долго здесь оставаться я не собиралась. Осмотрюсь и придумаю, как выбираться.

Главный Надзиратель продолжал. Нас, пятьдесят новых adeptок секты поклонения инору Кабасу, ждала не только служба на благо корпорации «Галактика», но и приятное времяпрепровождение в городке «Прелюдия», средняя продолжительность жизни в котором составляла два-три цикла. Опасная работа, болезни, депрессия, убийства, самоубийства, казни, а также недружелюбная среда – воды океана кишели агрессивной живностью – резко сокращали длину и уровень жизни имущества корпорации, поэтому «Галактика» пошла навстречу и прислала корабль с женщинами, пригодными не только для работы, но и для создания семьи. Чтобы, так сказать, увеличить производительность труда и улучшить мрачные настроения, царящие в плавучем городе. Правда, на все двести с лишним обитателей «Прелю-

дии» первой партии не хватит, но... Обещали еще.

Нас поделят среди лучших. Вернее, сильнейших. Так что в программе – скоропалительный брак этим же вечером, как только закончатся вахты и откроется Желтый Сектор. Пока же короткий отдых, перед которым инор Кабас познакомит с правилами поведения на «Прелюдии».

Правил оказалось мало. Хочешь жить – выполняй приказы Надзирателей и Старших по своей группе. Не нарушай дисциплину, укладывайся в дневную норму, не заходи в Красный Сектор никогда, а в Желтый – до особого разрешения. Скоро каждая из нас узнает номер каюты в жилом крыле Белого Сектора. Вернее, с кем и где будет жить. Завтра утром, после переклички, получим распределение. Вечерами, после рабочего дня, на полторы циклинии открывался Желтый Сектор, и в распоряжении обитателей «Прелюдии» оказывался бар и развлекательный центр.

Так и живем...

Я даже прониклась. Прямо дом родной!

Дом оказался неродным.

– А если я откажусь? – громкий голос Ласси заставил меня вздрогнуть. Черт!.. – Я согласна работать, но замуж не пойду.

Мои мысли, мои слова, но... Сказанные в неправильное время и не тому человеку. Инор Кабас напоминал мне Гахри. Слишком опасен, чтобы вот так, в лоб!

– За каждую провинность – наказание, – смакуя слова, произнес инор. – Наказание за нарушение дисциплины или

неподчинение приказам – боль.

Он сдернул с пояса небольшой прибор, похожий на телефон. Дальше я уже не смотрела, потому что стало не до этого. Выдохнув изумленно, вскрикнула Ласси. Девушка рухнула к моим ногам. Боль – резкая, пронзительная, словно тысячи кинжалов фанатиков, напала исподтишка, проникла в тело. Накатила, накрывая с головой, утаскивая в собственный филиал Ада, распорядитель которого – толстый инорс телефоном в руках – смотрел на нас с мерзкой улыбкой на влажных губах.

Я все еще стояла... Стояла, хотя на полу кричали, выли, корчились девушки. Стояла, потому что падать было так же больно, как и стоять. Каждый вздох, каждое движение, каждая мысль причиняли нестерпимое страдание. Тело умирало, разрываемое болью на миллиарды кусков, но я сделала шаг вперед, собираясь добраться до инора и остановить это. Не успела...

– Одна десятая циклинии, – отозвался инор, дернув рукой с телефоном. – Для начала хватит.

Боль прекратилась. Все! Она ушла, уступая место эйфории облегчения, эйфории осознания, что я все еще живу, дышу, могу пошевелиться и ничего не болит. Вдох, выдох... Это... это счастье-то какое! Я оглянулась, затем протянула руку Ласси, поднимая ее на ноги. Странно, но из устоявших на ногах остались только мы с Ма-Зани.

– Сердце выдерживает треть циклинии. Повторное непод-

чинение приказу, невыполнение дневной нормы или попытка проникновения в Красный Сектор, а также попытка бегства – смерть. Я ответил на вопрос?!

Он уставился на меня. Вернее, на то, как я пыталась поднять Ласси.

– Да, инор Кабас, – сказала ему. За подругу. – Ваш ответ был крайне исчерпывающим.

Он продолжал смотреть, в руке подрагивал «телефон», и я взмолилась неведомым богам. Только не еще раз! Наконец, инор обвел взглядом лежащих, стонущих, рыдающих и пытающихся встать. Кажется, остался удовлетворен увиденным.

– И еще, – добавил он с легкой усмешкой. – С «Прелюдии» никто не убежал. Никогда!

Инор Кабас ушел, оставив нас в ведении Надзирателей. Те приказали живо подниматься и следовать в Желтый Сектор. Подхватив Ласси и синеволосую Сари, девушку из нашей камеры, потащила за мужчинами. Ма-Зани тоже тянула троих. Остальные девушки пытались встать, некоторые не без помощи Надзирателей. Вернее, их поднимали пинками и окриками. Наконец, потрепанное женское воинство, едва сдерживающее рыдания, поплелось в указанном направлении.

Освоив метров сто проходов и пару поворотов, мы остановились перед Желтым Сектором. Врата местного рая азартных игр, выпивки и развлечений распахнули перед нами дву-

створчатые двери.

Вначале был свет. Мельтешащий, яркий, неоновый. Синий, словно в угоду корпорации «Галактика». Мне показалось, что мы очутились на дискотеке. Правда – тишина стояла почти гробовая, прерываемая лишь тяжелыми шагами Надзирателей, судорожными всхлипам и негромкими причитаниями девушек.

– Сидеть в Желтом Секторе, за двери даже и не пытаться выходить, – приказал Первый, указав в полумрак. – Не откроются. Завтра получите допуск и сможете свободно передвигаться по Белому Сектору.

Второй, усмехнувшись, посоветовал нам передохнуть и привести себя в порядок. Пригодится! Вскоре они ушли, а мы ввалились в огромное полупустое помещение. Двери закрылись, отрезая нас от Белого Сектора.

Наконец, глаза привыкли к полутьме и ярким вспышкам синих лучей с высокого потолка. Э-э-э... Куда теперь? Наверное, вот к тем диванчикам в дальнем углу Сектора, а то Сари навалилась на меня так, словно у нее отказали ноги. Девушка вцепилась пальцами в мой комбинезон, дышала неровно, с перебоями и отпустить меня не собиралась. Ласси, слава Богам, пришла в себя и довольно бодро переставляла ноги в указанном мной направлении, только молчала все время. Ну да ладно, разберемся!

Я потащила Сари вдоль игровых автоматов с множествами разноцветных лампочек, хаотично мелькавших в полу-

тьме автоматов. Мимо ступенек, ведущих на площадку в середине зала – они что, танцуют здесь?! Ну уж пьют, это точно – вдоль другой стены шла барная стойка с множеством высоких стульев. Правда, ни барменов, ни арсенала бутылок не наблюдалось. Зря! Я бы не отказалась от пары глотков чего-нибудь горячительного.

По дороге выяснила, что население «Прелюдии» не только танцует, но и развлекается на симуляторах воздушных и космических боев. Также я заметила автоматы с имитацией уличных драк и гонок на неизвестных мне транспортных средствах. Чуть в стороне довольно сиротливо стояли несколько квадратов полей с такими же квадратными фишками. Явно не в снукер они здесь играют!

Наконец, дотащила Сари до диванчика, кое-как устроила. Села рядом, погладила по голове. Чем помочь плачущей девушке?! Сказать, что все будет хорошо? В этом я серьезно сомневалась. В моей жизни все пошло плохо с момента, как на обледенелую дорогу сел челнок «Востока Арана», а вот что натворила она? Хрупкая, красивая, синеволосяя, кажется, одной же расы с доктором Кассиди...

Расспросить не успела.

– Пойдем! – раздался знакомый голос за спиной. – Тебе тоже не помешает выпить.

Обернулась. Ма-Зани стояла рядом, протягивая мне руку. Я недоверчиво вложила свою в большую черную ладонь. Рывок, и Ма-Зани помогла мне встать с дивана. С удивлением

обнаружила, что девушка выглядела вполне нормальной. И даже симпатичной, когда не корчила из себя королеву преступного мира. Вздыхнув, потянула за собой и Ласси. Выпить не помешает не только мне.

Чернокожие из свиты Ма-Зани уже сидели вдоль барной стойки с множеством встроенных дисплеев. Поколдовав над одним из них, Ма-Зани приложила ладонь, и из недр барной стойки вынырнул стакан, заполненный наполовину темной жидкостью. Я, подивясь на сие чудо, попросила Ласси добыть мне такой же. Чтобы булькало коричневенькое, резко пахнущее... Кстати, можно и покрепче.

Девушка усмехнулась. «Покрепче, говоришь?» – пробормотала она. Не успела я кивнуть, как противный голос из дисплея в барной стойке потребовал приложить руку к иконке активации заказа. Вспомнив, как получила обед на тюремном корабле, послушалась, после чего из недр выехал прозрачный пластиковый стакан с темной жидкостью.

– Ну что, девочки, – произнесла Ма-Зани. – Выпьем! И чтобы всем достались хорошие мужья и нормальная работа. Оказывается, здесь, – она оглянула Желтый Сектор, – вполне можно жить. Эта плавающая «Прелюдия» лучше деревни в ж...пе мира, откуда я родом!

Я чуть было не подавилась напитком. Крепкий, зараза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.